ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10.12.2009 г. Издается с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 3

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:
Дугенец Александр Сергеевич,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук
Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор
Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор
Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
Туганов Юрий Николаевич,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор
Хабибулин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:
Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:
Бабенко Т.Д.

Главный редактор
Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора
Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел./факс: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:
по каталогу «Роспечать» — 20887;
«Каталог российской прессы» — 24273;
«Объединенный каталог» — 24782.
Также можно подписаться на сайтах:
www.gazety.ru; www.lawinfo.ru
Печ. л. 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Подписано в печать 22.02.2017.
Выход в свет 30.03.2017.
ISSN 2070–2108. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. К вопросу о понятии и системе кадрового обеспечения государственной безопасности в деятельности органов государственной власти 3

Утяшов Э.К. Режим военного положения и правовые обычаи 6

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Мусеибов А.Г., Борбат А.В., Арестова Е.Н. Криминологическая характеристика преступности среди военнослужащи 11

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Овчаров О.А. Правовой статус военного духовенства в России и США: проблемы совершенствования правовой работы 18

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Солодкин Я.Г. О круге военных функций русских выборных дворян (по боярским и походным спискам последней четверти XVI — начала XVII вв.) 24

Шкаревский Д.Н. К вопросу о создании военного права в СССР (1930-е — начало 1950-х гг.) 28

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

MILITARY JURIDICAL JOURNAL

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) PI № ФС77-38319 10.12.2009. Published since 2006, is published monthly.

№ 3

Founder: Publishing Group "JURIST"
Editorial Board:
Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor
Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences
Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor
Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor
Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor
Truntsevskij Yurij Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor
Tuganov Yurij Nikolaevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor
Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor
Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor
Editor in Chief:
Kocheshev Sergey Petrovich,
candidate of juridical sciences
Responsible editor:
Babenko T.D.
Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":
Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor
Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.
Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences
Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 (multichannel).
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Editorial / Publisher Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
115035, Moscow
Subscription in Russia:
Rospechat' — 20887;
Catalogue of the Russian press — 24273;
Unified Catalogue — 24782.
www.gazety.ru; www.lawinfo.ru.
Printer's sheet 4,0.
Circulation 2000 copies.
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.
Passed for printing 22.02.2017.
Edition was published 30.03.2017.
ISSN 2070–2108. Free market price.

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF MILITARY SERVICE

Tuganov Yu.N., Zhuravlev S.I. Revisiting the Concept and Staffing of State Security in the Course of Activities of State Government Bodies 3

Utyashov E.K. Martial Law and Legal Practices 6

MILITARY JUSTICE

Museibov A.G., Borbat A.V., Arestova E.N. Criminological Characteristics of Military Crime 11

INTERNATIONAL PRACTICE

Ovcharov O.A. Legal Status of Military Clergy in Russia and the United States: Issues of Improvement of legal work 18

HISTORICAL BACKGROUND

Solodkin Ya.G. Range of Military Functions of Russian Elected Nobility (under Boyar and Marching Lists of the Q4 XVI — Early XVII Centuries) 24

Shkarevsky D.N. Revisiting the Establishment of Military Law in the USSR (1930 — early 1950s) 28

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctor of theses

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Туганов Юрий Николаевич,
главный научный сотрудник
Российского госуниверситета правосудия,
профессор Российской таможенной академии,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
yurij-tuganov@yandex.ru

Журавлев Сергей Иванович,
доцент кафедры организации
кадровой работы в органах государственной власти
Института управления и стратегического развития
организаций Московского технологического университета (МИРЭА),
кандидат юридических наук, доцент
zhur-serg@mail.ru

Статья посвящена анализу понятия нового явления в деятельности органов государственной власти — кадровой безопасности. В статье раскрываются особенности обеспечения кадровой безопасности в отдельных правоохранительных органах и спецслужбах.

Ключевые слова: *кадровое обеспечение органов государственной власти, кадровый состав, кадровая безопасность органа власти.*

Revisiting the Concept and Staffing of State Security in the Course of Activities of State Government Bodies

Tuganov Yuri N.,
Chief Research Scientist
of the Russian State University of Justice,
Professor of the Russian Customs Academy,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Zhuravlev Sergey I.,
Assistant Professor of the Department of Organization
Staff Management in Government Authorities
of the Institute of Management and Strategic Development
of Organizations of the Moscow Technological University (MIREA),
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article is devoted to analysis of the concept of a new phenomenon in the activities of public authorities — personnel security. In the article the peculiarities of personnel security in a separate law enforcement and security services.

Key words: *staffing of public authorities, staffing, personnel security authority.*

В процессе реализации органами государственной власти Российской Федерации государственной кадровой политики происходит формирование новых стратегических направлений и принципов ее обеспечения. К числу важнейших функций кадровой политики органа государственной власти относится обеспечение его кадровой безопасности как условия для развития и поддержания необходимого уровня

защищенности государственного аппарата, а также государственной безопасности Российской Федерации. Учитывая важность данного вопроса, а также активные научные исследования в сфере кадрового обеспечения государственной безопасности в последнее время, ученые в научных публикациях все чаще применяют термин «кадровая безопасность».

Подтверждением данным словам является высказывание П.А. Сельцовского[1], который указывает, что в силу определенных социально-политических и экономических катаклизмов, которые за последнее время переживает Россия, кадровая политика осуществлялась главным образом методом «проб и ошибок», что приводило к утрате профессионализма, оттоку лучших кадров, определенной деморализации кадров служащих, снижению доверия к ним. Это создало определенные проблемы в системе кадровой безопасности органов власти, снизило уровень эффективности кадровой политики в сфере государственной безопасности. Подобное ее состояние отрицательно влияло на систему государственной власти, особенно негативно сказывалось на кадровом составе служб, обеспечивающих безопасность российского общества. Как же определяют понятие «кадровой безопасности» ученые правоведы?

Так, например, определение кадровой безопасности государственной службы, предложенное Т.П. Корж, как процесса предотвращения негативных воздействий на безопасность государства за счет рисков и угроз, связанных с персоналом, его интеллектуальным потенциалом и трудовыми отношениями в целом[2], представляется нам вполне обоснованным.

По мнению И. Погодиной, кадровая безопасность является составной частью системы общей безопасности организации наряду с другими составляющими: финансовой, силовой, информационной, технико-технологической, правовой, экологической и др. Определить кадровую безопасность можно как состояние защищенности организации от угроз, обусловленных человеческим фактором (к ним можно отнести шпионаж, воровство, халатность, ошибки и пр.) [3].

Как справедливо отмечает Н.В. Кузнецова, проблема обеспечения кадровой безопасности является достаточно актуальной, что объясняется нестабильностью национальной и региональной экономики, падением этических норм взаимоотношений участников трудовых отношений, нарастанием кадровых и социальных рисков[4].

Выделяя основные направления деятельности органов власти, К.А. Погребежский[5] отмечает, что требуют переоценки подходы к кадровому обеспечению правоохранительной службы как составной части государственной службы. Положения действующих нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы отбора кандидатов и поступления на правоохранительную службу, не создают прочного законодательного барьера для обеспечения кадровой безопасности и нуждаются в доработке.

В соответствии с проведенным анализом мнений ученых о понятии кадровой безопасности авторы делают вывод о том, что данному понятию присущи следующие признаки:

— кадровая безопасность как правовое явление должна быть урегулирована нормами права;

— кадровая безопасность как социальное явление должна быть приемлема для всех военнослужащих и гражданского персонала органов безопасности;

— соответствие угроз кадровой безопасности направлениям деятельности органов безопасности в сфере противодействия кадровой безопасности;

— введение ответственности сотрудников за нарушение требований к кадровой безопасности.

Таким образом, в интересах данной статьи кадровую безопасность можно определить как состояние защищенности кадрового обеспечения органа безопасности от внутренних и внешних угроз.

Под внешними угрозами понимается воздействие спецслужб иностранных государств, представителей преступных группировок, сотрудников иных органов власти в целях склонения сотрудника органа безопасности к нарушению действующего законодательства или предъявляемых к нему требований.

К внутренним угрозам кадровой безопасности можно отнести закрытый характер деятельности сотрудников; наличие коррупционных рисков; несвоевременные действия руководства подразделения

[1] Сельцовский П.А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России: автореф. дис. … докт. социол. наук. М.: МГЭА, 2009. С. 8.

[2] Корж Т.П. Технологии обеспечения безопасности формирования кадрового резерва государственной и муниципальной службы // Вестник ВЭГУ. 2014. № 7. С. 38–41.

[3] Погодина И. Обеспечение кадровой безопасности в государственных органах и организациях // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2011. № 1. С. 24–27.

[4] Кузнецова Н. В. Обеспечение кадровой безопасности как функция управления персоналом // Известия ИГЭА. 2012. № 4. С. 16.

[5] Погребежский К.А. Правовое обеспечение государственной правоохранительной службы и пути его совершенствования : автореф. канд. …юрид. наук. М.: РАГС, 2012. С. 4.

по поощрению сотрудника и выдвижению на вышестоящие должности и т. п.

Определяя главную цель обеспечения кадровой безопасности в деятельности органа государственной власти на примере органов федеральной службы безопасности (далее — органы безопасности), необходимо учитывать уровень достижения стабильности кадрового состава, функционирования кадрового аппарата, а также создание основы развития и перспектив роста для кадрового потенциала.

Авторы неоднократно подчеркивали, что кадровая безопасность является составной частью кадрового обеспечения органов безопасности и более широкого — государственной безопасности, в свою очередь кадровая безопасность как социально-правовое явление имеет собственную структуру[6].

К системе кадровой безопасности мы предлагаем относить:

1. Кадровый состав органа безопасности как совокупность военнослужащих и гражданского персонала, определенного ст. 16. Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»[7];

2. Угрозы кадровой безопасности, определенные ст. 16, 16.1, 16.2, 16.3 вышеуказанного федерального закона и иными нормативными правовыми актами, в том числе:

— попытки отдельных граждан и сотрудников скрыть от проверки соответствие их требованиям (в том числе квалификационным) для прохождения службы в органах безопасности;

— возникновение и отсутствие признаков урегулирования конфликта интересов на военной службе и признаков коррупционного правонарушения;

— разглашение или использование в целях, не связанных с военной службой, сведений, отнесенных к сведениям государственной тайны или служебной информации, ставшей известными сотруднику в связи с исполнением должностных обязанностей;

— нарушение требований, предъявляемых для обеспечения собственной безопасности органов безопасности;

— закрытый характер деятельности органов безопасности, в том числе деятельность их кадровых подразделений, что связано со сведениями, составляющими государственную тайну;

— переманивание ведущих сотрудников на работу в крупные коммерческие структуры или выплата им гонораров за лоббирование их интересов в ущерб государственным и общественным интересам и т. п.

3. Основные направления развития деятельности органов безопасности в сфере обеспечения кадровой безопасности:

— создание единого механизма отбора и поступления на военную службу в органы безопасности;

— совершенствование законодательной базы кадрового обеспечения на основе стоящих перед органами безопасности задач по обеспечению безопасности государства;

— определение концепции кадровой безопасности с учетом направлений деятельности органов безопасности: разведывательная; контрразведывательная; пограничная; борьба с преступностью и противодействие терроризму; информационная безопасность;

— совершенствование требований к сотрудникам, проходящим военную службу в органах безопасности;

— совершенствование содержания контракта о прохождении военной службы в органах безопасности;

— совершенствование системы подготовки сотрудников на основе принципов непрерывности, качества и многофункциональности;

— применение современных, мобильных кадровых технологий противодействия кадровой безопасности;

— определение форм и методов работы подразделения кадров в сфере кадровой безопасности в зависимости от предназначения органа безопасности;

— установление критериев оценки эффективной деятельности сотрудников в сфере кадровой безопасности для определения размера им дополнительных денежных выплат и др.

Таким образом, рассмотрев вопросы понятия и системы кадровой безопасности на примере деятельности органов безопасности, можно сделать вывод о том, что под кадровой безопасностью целесообразно понимать состояние защищенности кадрового обеспечения органа безопасности от внутренних и внешних угроз. К системе кадровой безопасности авторы предлагают отнести: кадровый состав органов безопасности; наличие угроз кадровой безопасности; направления деятельности органов безопас-

[6] Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Реализация функций и принципов кадрового обеспечения государственной службы в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Военно-юридический журнал. 2013. № 11. С. 2–8.

[7] О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: принят Гос. Думой 22 февраля 1995 г.: одобр. Советом Федерации 15 марта 1995 г.: по состоянию на 15 декабря 2016 г. // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

ности по противодействию кадровой безопасности. Данные аспекты в значительной степени влияют и на обеспечение государственной безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Корж Т.П. Технологии обеспечения безопасности формирования кадрового резерва государственной и муниципальной службы // Вестник ВЭГУ. 2014. № 7. С. 38–41.
2. Кузнецова Н.В. Обеспечение кадровой безопасности как функция управления персоналом // Известия ИГЭА. 2012. № 4. С. 16.
3. Погодина И. Обеспечение кадровой безопасности в государственных органах и организациях // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2011. № 1. С. 24–27.
4. Погребежский К.А. Правовое обеспечение государственной правоохранительной службы и пути его совершенствования : автореф. канд … юрид. наук. М.: РАГС, 2012. 23 с.
5. Сельцовский П.А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России: автореф. дис. … докт. социол. наук. М.: МГЭА, 2009. 26 с.
6. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Реализация функций и принципов кадрового обеспечения государственной службы в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Военно-юридический журнал. 2013. № 11. С. 2–8.

РЕЖИМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ

Утяшов Эдуард Климентьевич,
доцент кафедры теории права,
государства и судебной власти
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
ueknet@rambler.ru

Рассмотрены вопросы правового регулирования режима военного положения, связанные с использованием форм (источников) российского права. Доказана необходимость включения в ст. 2 Федерального конституционного закона «О военном положении» правового обычая как правовой основы указанного режима. В условиях относительной определенности норм права, регулирующих военное положение, наличия здесь значительного количества пробелов в законодательстве возникает объективная необходимость использования правового обычая как формы (источника) права. Смоделирована неэффективность конкретизации действующего законодательства о военном положении. С позиции интегративного правопонимания значение правовых обычаев заключается в том, что они являются возможными средствами правового регулирования фактических отношений, неурегулированных принципами и нормами права.

Ключевые слова: *правовой режим военного положения, правовой обычай, конкретизация в праве, необходимость толкования обобщенных норм права.*

Martial Law and Legal Practices

Utyashov Eduard K.,
Assistant Professor of the Department of Theory of Law, State and Judiciary
of the Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences

Address the issues of legal regulation of the martial law regime, associated with the use of forms (sources) of Russian law. Proved the need for the inclusion in article 2 of the Federal Constitutional law "on martial law" legal custom, as the legal basis of the specified mode. With relative certainty to the law governing the military situation,

the existence here of a significant number of gaps in the law there is an objective need to use legal custom forms (source). Modeled the inefficiency of the concretization of existing legislation on martial law. From the standpoint of legal thinking right value integrative practices is that they are a possible means of legal regulation of the actual relationships, unresolved by the principles and rules of law.

Key words: *the legal regime of martial law, custom, specification of the right, the need for the interpretation of generalized rules of law.*

Содержание правового регулирования режима военного положения как в современной России, так и в иностранных государствах имеет общие цели и основано на общих принципах. Имеющиеся различия, как правило, связаны с различной степенью ограничений прав граждан, длительности его осуществления, механизмом его введения и поддержания. Анализ осуществления правового режима военного положения показывает, что наряду с массой фактических обстоятельств, возникающих в нем и нуждающихся в оперативном разрешении и упорядочении, острой проблемой правоприменения будет являться необходимость толкования норм права соответствующего законодательства. Правовые нормы, направленные на регулирование подобных правовых режимов, сформулированы как относительно определенные правила поведения, содержащие значительное количество оценочных категорий и понятий, характеризующиеся высокой степенью обобщенности, в которых гипотеза нормы права не охватывает все возможные общественные отношения, возникающие при осуществлении такого правового режима. Именно по этой причине их содержание не всегда будет однозначно воспринято правоприменительными органами, что может привести к разнообразному и не всегда желаемому для государства регулированию фактических обстоятельства, возникающих в этом режиме. По этой причине возникает объективная необходимость в дополнительной конкретизации, которая в свою очередь приведет к созданию значительного массива нормативных правовых актов. Такая деятельность будет иметь также ряд недостатков. Так, нормативные правовые акты, принятые по итогам конкретизации в преддверии введения военного положения, не смогут учесть весь спектр общественных отношений в условиях военного положения, которые будут зависеть от многих объективных и субъективных факторов, включая геополитические, политические, экономические, национальные, международные, климатические и иные, в связи с чем нормы права будут не успевать за ними и «устаревать», порождать правовые коллизии и пробелы. Наличие значительного количества нормативных правовых актов, принятых по итогам конкретизации, приведет к необходимости их систематизации, будет сковывать инициативу адресатов юридических норм, усложнять процесс принятие решений при динамично меняющейся обстановке, порождать бюрократизм в ходе осуществления управленческой деятельности.

В силу невозможности предвидения всех многообразных жизненных ситуаций и обстоятельств в рамках режима военного положения не представляется возможным их урегулировать с помощью только одной формы права — нормативными правовыми актами. Поэтому наряду с ними должны реализовываться и иные формы права, например правовые обычаи.

Обычай имеет богатейшую историю возникновения, развития и применения.

Обычай как форма права обладает отличительными свойствами, позволяющими выделить его из иных форм. В отличие от нормативных правовых актов, обычай характеризуется постоянством, стабильностью и многократностью применения. Обычай пользуется поддержкой большинства населения того или иного государства либо региона, что обеспечивает его авторитет и способствует активному многократному использованию. В отличие от многих других форм права, например нормативных правовых актов, он доступен для понимания всеми адресатами права, вне зависимости от уровня знаний в той или иной области.

Законодатель признает значение правового обычая как формы (источника) права, закрепляя в тестах различных законов и нормативных правовых актов, допускающие его использование в публичных и частных правоотношениях, при этом акцентируя внимание на возможности их создания в ходе практической деятельности органов государственной власти. Считается, что правовым обычаем как формой права являются широко применяемые правила поведения, руководствоваться которыми разрешено в иных формах. В современной России эта модель осуществляется путем включения бланкетных норм в статьи нормативных правовых актов, т. е. норм, разрешающих или обязывающих в той или иной ситуации пользоваться обычаем. Примером может служить ст. 3 Федерального конституционного закона «О государственном флаге Российской

Федерации», которая предусматривает обязанность иностранных судов в период плавания в территориальных водах России: «…в дополнение к своему флагу поднимать и нести в соответствии с международными морскими обычаями также Государственный флаг Российской Федерации»[1]. Другим примером санкционирования обычая может служить ст. 422 Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, которая предписывает начальнику воинского эшелона (команды) при длительном морском переходе тело умершего хоронить по морскому обычаю[2].

В то же время практика Международного суда ООН свидетельствует о том, что обычаем международного права признается и не всегда «широко применяемое» «правило поведения». В XX–XXI вв. важнее другое: убедительность и аргументированность международных и внутригосударственных обычаев права. С позиции интегративного правопонимания обычаи не должны противоречить принципам и нормам права, содержащимся в иных формах международного и национального права, например в нормативных правовых актах и нормативных правовых договорах. Они могут определять также и «границы», «рамки» «поведения», юридическую ответственность не только за противоправное поведение, действие, но и за бездействие, когда собственно «правила поведения» отсутствуют. Значение правовых обычаев заключается в том, что они являются не сколько «правилами поведения», а возможными средствами правового регулирования фактических отношений, неурегулированных принципами и нормами права[3].

Отчетливо проявляется следующая закономерность: чем совершеннее по всем параметрам законодательство (в том числе и под углом зрения беспробельности), тем меньше роль и сфера действия обычая[4]. В большинстве развитых правовых систем мира правовой обычай выступает в качестве дополнительного источника права, когда норма правового обычая восполняет пробел законодательства. Именно в этом качестве они могут использоваться в условиях правового режима военного положения.

Действие международных обычаев распространяется на всю территорию государств, признавших их. Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, как указано в преамбуле Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[5].

Прямое закрепление обычаев как формы права, подлежащих применению в ходе вооруженных конфликтов, зафиксировано в Гаагских и Женевских конвенциях. Женевская конвенции 1949 г. «О защите жертв войны» обязывает воюющие стороны «соблюдать законы и обычаи войны, даже если одна из воюющих сторон не признает состояния войны». Пункт 2. ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I от 8 июня 1977 г.), содержит положение о том, что: «В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания». Пункт 6 ст. 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» содержит положение, что ее действие распространяется на «население не оккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны»[6].

В силу признания международным сообществом роли правовых обычаев в ходе вооруженных конфликтов следует исходить из возможности его использования и в условиях режима военного положения. Это вытекает из логики правового регулирования этого режима. В соответствии с действующим законодательством режим военного положения осуществляется в том числе в условиях агрессии против Российской Федерации, т. е. фактического начала вооруженного конфликта, где действуют «законы и обычаи» войны.

В период действия режима военного положения предусмотрено кардинальное изменение сло-

---

1 Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О государственном флаге Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5020.

2 Устав внутренней службы Вооруженных сил РФ // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

3 См. подр.: Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 7–15 ; Его же. О формах права в Союзном государстве [Электронный ресурс] // URL: http://www.postkomsg.com/interview/204541/

4 Расчетов В.А., Берлявский Л.Г. Место обычно-правовых норм в системе источников современного российского права // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 2–5.

5 СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

6 URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml)

жившихся общественных отношений. Это связано с ограничениями на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборота имущества, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, временного изменения форм собственности, порядка и процедур банкротства, режима трудовой деятельности, установления особенностей финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования. Многие из вышеназванных отношений предусматривают возможность их регулирования обычаями как одной из форм права действующим законодательством.

Так, на территориях, на которых будет введен указанный режим военного положения, необходимо будет пересматривать сроки исполнения обязательств по ранее заключенным договорам предприятиями, в том числе с иностранным контрагентами, на которых мобилизационным планом возлагаются обязанности по производству продукции для обороны страны. В этой связи сторонам необходимо заранее оговорить возможность использования обычаев гражданского оборота, связанных с местом исполнения обязательств (ст. 316 ГК РФ), их сроков и способов.

Можно предвидеть применение правовых обычаев при регулировании отношений, связанных с привлечением граждан к борьбе с пожарами, строительством оборонительных и защитных сооружений, погребением погибших и умерших, размещением эвакуированных граждан в помещениях, в том числе жилых, размещением военно-санитарных учреждений, военнопленных, регистраций брака, ограничения продажи спиртных напитков и ряда других отношений. В Российской Федерации в соответствии с законодательством о мобилизации предусмотрено использование некоторые правовых обычаев: предоставление зданий, сооружений, транспортных средств и другого имущества для нужд обороны, привлечение граждан к выполнению работ в целях обеспечения обороны страны, возложение военно-транспортной обязанности на порты, пристани, аэропорты, нефтебазы, автозаправочные станции, ремонтные организации, а также на граждан — владельцев транспортных средств. Это фактическое закрепление правовых обычаев в действующем законодательстве, которое не определяет их нормативное содержание, а фактически отсылает к действовавшим правовым обычаям в период войны и вооруженных конфликтов.

Использование правовых обычаев становится еще более актуальным в национальных федерациях, где необходимо учитывать особенности культуры, традиций, религии народов, населяющих их, при принятии решений. Еще большая их востребованность прогнозируется в условиях возможной временной оккупации части территории государства. Многие отношения, особенно в сфере частного права, будут регулироваться исключительно правовыми обычаями. Это коснется вопросов определения гражданства ребенка, регистрации брака, пользования собственностью и т. д.

Правовой режим военного положения не может осуществляться относительно долго, это связано с истечением оснований его введения. В связи с этим может возникнуть вопрос о длительности формирования правового обычая, что является важнейшим признаком данной формы права. Показательным в решении этого вопроса является складывающаяся международная практика. Так, в решении Международного суда по делу о континентальном шельфе Северного моря говорится, что «короткий период времени не является обязательно или сам по себе препятствием для образования новой нормы международного обычного права... необходимое требование состоит в том, чтобы в течение данного периода, каким бы коротким он ни был, практика государств, включая те государства, интересы которых затронуты особо, была бы как обширной, так и однообразной в аспекте соответствующего предписания. Более того, она должна осуществляться таким образом, чтобы продемонстрировать общее признание того, что речь идет именно о норме права или юридическом обязательстве»[7].

Санкционирование обычаев, возникающих в условиях осуществления правового режима военного положения, может идти по-разному. Складывающиеся обычаи могут формулироваться в нормах права вследствие последующей конкретизации, в том числе возможного внесения определенных уточнений с целью достижения большей четкости регулирования тех или иных отношений. Это может быть отсылка к обычаю в принимаемых нормативных правовых актах без его детализации или повторения его содержания, что будет уместным при издании некоторых нормативных правовых актов в ходе осуществления режима военного положения. В законе возможно закрепление ссылки на использование обычаев, в том числе и местных, в определенных отношениях, требующих юридического разрешения, например легализация венчания или никаха (в исламе) на той территории государства,

[7] North sea continental shelf Cases. Dissenting Opinion of Judge Tanaka, 1969 г. — Official website of International Court of Justice. Judgments, Advisory opinions and Orders by chronological order. URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=5&p3=-1&y=1969

где не действовали в условиях военного положения органы ЗАГС. Ряд авторов допускает действие обычаев с «молчаливого согласия» законодателя[8], т. е. отсутствия каких-либо действий со стороны законодателя в отношении обычаев, в том числе отсутствия в законодательстве упоминания об обычаях, действующих в праве. Такой способ санкционирования, по мнению ряда авторов, является достаточно спорным, особенно в сфере публичного права[9], но с учетом особенностей и специфики режима военного положения он может быть допустим.

Подводя итог проведенному исследованию, можно прийти к выводу, что регулирование очень сложного, многоуровневого, затрагивающего практически все сферы общественной жизни правового режима военного положения может и должно регулироваться не только закрепленными в законодательстве формами права, но и дополнительным источником — правовыми обычаями. Р. Давид, говоря об обычае как источнике права, отмечал: «Более точным представление о роли обычая станет тогда, когда возродят традицию и перестанут отождествлять право и закон. Если понимать закон лишь как одно из средств (главное в наши дни) для выражения права, то ничто не мешает признанию наряду с законодательными актами полезности других источников. И среди этих последних важное место займет обычай: естественно и даже необходимо учитывать обычное поведение людей, чтобы установить то, что объективно считается в обществе справедливым»[10]. Невключение этой формы права в систему правовых средств регулирования указанного режима следует признать упущением отечественного законодательства, основанного лишь на традициях позитивизма. Как форма права, правовой обычай признается в международном гуманитарном праве, находит применение в современной российской правовой системе и, следовательно, должен найти свое место в практической деятельности государственных органов и органов военного управления в условиях осуществления режима военного положения.

В связи с этим предлагается внести изменения в ст. 2 Федерального конституционного закона «О военном положении» и изложить ее в следующей редакции: «Правовой основой военного положения являются Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный конституционный закон, принятые на его основе федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, правовые обычаи и международные договоры Российской Федерации в данной области».

[8] Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 181.

[9] Миронова И.Н. Правовой обычай как источник современного российского публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 198 с.

[10] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 95.

Литература

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним: сб. М., 2003. 344 с.
2. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О государственном флаге Российской Федерации» // СЗ РФ. № 52 (ч. I). Ст. 5020.
3. Федеральный конституционный закон января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
5. Устав внутренней службы Вооруженных сил РФ // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.
6. Решение Международного суда по делу о континентальном шельфе Северного моря North sea continental shelf Cases. Dissenting Opinion of Judge Tanaka, 1969 г. — Official website of International Court of Justice. Judgments, Advisory opinions and Orders by chronological order. URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=5&p3=-1&y=1969
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. 400 с.
8. Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 7–15.
9. Ершов В.В. О формах права в Союзном государстве [Электронный ресурс] // URL: http://www.postkomsg.com/interview/204541/
10. Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 181.
11. Миронова И.Н. Правовой обычай как источник современного российского публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 198 с.
12. Расчетов В.А., Берлявский Л.Г. Место обычно-правовых норм в системе источников современного российского права // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 2–5.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Мусеибов Абдула Гулиевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
abshm@mail.ru

Борбат Андрей Владимирович,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник Министерства внутренних дел Российской Федерации
andbor-61@mail.ru

Арестова Екатерина Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент
ekaterina-arestova@ya.ru

В статье дана криминологическая характеристика преступности военнослужащих. Определены отдельные тенденции такой преступности, выделен круг лиц, относящихся к данной категории населения Российской Федерации.

Ключевые слова: *преступность, криминологическая характеристика, военнослужащие, тенденции.*

Criminological Characteristics of Military Crime

Museibov Abdula G.,
Chief Research Scientist of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor

Borbat Andrey V.,
Assistant Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Arestova Ekaterina N.,
Assistant Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article presents the criminological characteristics of military crime; determines some trends of such a crime, indicates the range of persons belonging to such a population category of the Russian Federation.

Key words: *Crime, criminological characteristics, military men, trends.*

Преступность среди военнослужащих по своим основным тенденциям и показателям: уровню, динамике и структуре, а также закономерностям зарождения и развития обладает общими характерными свойства-

ми, присущими преступности в стране в целом. Вместе с тем она обладает относительной самостоятельностью, а ее причины, условия и реальные проявления отличаются особенностями, связанными со спецификой организации социальных отношений в Вооруженных силах и образом жизни военнослужащих.

Отличительной особенностью преступности среди военнослужащих является ее повышенная общественная опасность, выражающаяся в ее крайне негативном воздействии на состояние воинской дисциплины и правопорядка в Вооруженных силах, боевой готовности воинских подразделений к выполнению поставленных перед ними задач, подрыве авторитета государства и занижении оценки обществом уровня своей безопасности.

Особенностями отличаются также все показатели преступности среди военнослужащих, ее уровень, структура и динамика.

Военнослужащие являются специальными субъектами преступлений против военной службы.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ (в ред. от 15.07.2016) «О статусе военнослужащих»[1] к военнослужащим относятся офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту, а также сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов (ч. 1 ст. 331 УК РФ).

Преступлениями против военной службы признаются:

1) преступления, посягающие на порядок подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей по военной службе (ст. 333 УК РФ); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ); нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ);

2) преступления, совершаемые путем уклонения от военной службы: самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ); дезертирство (ст. 338 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ);

3) преступления, посягающие на порядок несения специальных видов военной службы: нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) (ст. 340 УК РФ); нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ); нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы (ст. 342 УК); нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (ст. 343 УК РФ); нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ);

4) преступления против порядка сбережения военного имущества: оставление погибающего военного корабля (ст. 345 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ); уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ); утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ);

5) преступления, посягающие на порядок использования и эксплуатации военной техники: нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ); нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ); нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ).

Военнослужащие являются также субъектами всех иных преступлений, не связанных с военной службой, за совершение которых они привлекаются к уголовной ответственности на общих основаниях, в том числе преступлений против личности, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, государственной власти.

По данным уголовной статистики интенсивность преступности среди военнослужащих в России значительно ниже интенсивности преступности по стране в целом.

В течение последних пяти лет (2011–2015 гг.) уровень преступности среди военнослужащих в абсолютных показателях составлял менее 1 % от уровня преступности по России в целом, а по коэффициенту (количеству преступлений на 100 тыс. человек) — был ниже нее почти в два раза.

[1] СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

В 2011 г. было зарегистрировано 11 832 преступления, совершенных военнослужащими, в том числе 10 017 — военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации, в 2012 г. соответственно — 11 032 и 9005, что составило 0,5 % от общего количества преступлений, зарегистрированных в эти годы по России в целом, — 2404 807 и 2302 168.

При этом количество преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации, составляет более 80 % всех преступлений, совершенных военнослужащими федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба (в 2012 г. — 9005 преступлений из 11 032 преступлений всех военнослужащих, или 81,6 %).

Преступности среди военнослужащих присущи общие свойства и тенденции развития преступности по стране в целом. Несмотря на малый удельный вес в структуре всей преступности, она подчиняется общим закономерностям развития преступности в стране и по своим динамическим характеристикам от нее существенно не отличается.

Преступности среди военнослужащих так же, как и всей преступности, характерна относительная стабильность уровня и интенсивности. Динамика ее уровня определяется происходящими в стране социально-экономическими и политическими процессами в стране и в армии. В период обострения связанных с этими процессами противоречий наблюдается, как правило, рост, а при их сглаживании — снижение преступности среди военнослужащих.

Основные показатели преступности в России постоянно меняются в соответствии с изменениями социальной среды, состоянием социально-экономической и политической ситуации в стране. В период с 2010 по 2015 гг. показатели преступности в России имели тенденцию к снижению. Так, в целом по России было зарегистрировано в 2010 г. — 2628 799, 2011 г. — 2404 807, 2012 г. — 2302 168, 2013 г. — 2206 249, 2014 г. — 2190 578, 2015 г. — 2388 476 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступления, соответственно 1111 145, 1041 340, 1010 938, 1012 563, 1006 003, 1075 333, осуждено лиц по приговорам, вступившим в законную силу, — 845 071, 782 274, 739 278, 735 605, 719 305[2].

Показатели уровня (коэффициента) преступности имеют различия в определенных регионах России, Так, в 2014 г. коэффициент преступности (число преступлений на 100 000 человек населения в возрасте 14 лет и старше) составил в целом по России 1772, в Северо-Кавказском федеральном округе — 924, Крымском — 1195, Южном — 1536, Центральном –1536, Приволжском — 1595, Северо-Западном — 1711, а в Уральском — 2124, Сибирском — 2459, Дальневосточном — 2501[3].

Общее количество преступлений, совершенных военнослужащими, и их удельный вес в структуре всей преступности в период с 2010 по 2015 гг. также снижались. Так, если до 2000 г. удельный вес данных преступлений в структуре всей преступности в стране составлял от 1,5 до 1,2 %, то начиная с 2010 г. он составляет около 0,5 % от общего количества зарегистрированных преступлений по стране в целом.

Показатели удельного веса преступлений, совершаемых военнослужащими, в общем количестве зарегистрированных преступлений по стране в целом определяются динамикой этих преступлений. Снижение данных показателей может быть обусловлено как реальным снижением уровня преступности среди военнослужащих, так и ростом уровня преступности в целом при относительной устойчивости первой. В период с 2010 по 2015 гг. снижались уровни как той, так и другой. Поэтому величина указанного показателя в 0,5 % свидетельствует о реальном снижении уровня преступности среди военнослужащих за данный период.

Проводимые в последние годы мероприятия по реформированию армии, улучшению условий службы и быта военнослужащих, укреплению дисциплины среди них наряду с общей стабилизацией социально-экономической и политической ситуации в стране, усилением правового и патриотического воспитания граждан привели не только к сокращению общего количества преступлений, совершенных военнослужащими, но и к существенному снижению интенсивности преступности среди военнослужащих. Коэффициент преступности среди военнослужащих (количество преступлений на 100 тыс. военнослужащих) с началом реформ в армии постоянно снижался и в настоящее время более чем в два раза ниже, чем коэффициент преступности по стране в целом. Так, если в 2000 г. он составлял 1500 преступления при коэффициенте по стране в 1972 преступлений, то в настоящее время регистрируется около 700 преступлений на 100 тыс. военнослужащих при среднем коэффициенте по стране в 1800 преступлений.

[2] Преступность и правонарушения 2010–2014 гг.: стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2015. 180 с.; Единый отчет о преступности в России за 2015 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2016. 52 с.

[3] Преступность и правонарушения 2010–2014 гг…

Таблица 1

Уровень и динамика преступности среди военнослужащих в России за период с 2000 по 2010 гг.*

Преступления / Годы	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010
Всего преступлений	23 069	20 490	25 244	25 101	20 425	17 116	14 123
Динамика (%)	100	88,8	109,4	108,8	88,5	74,1	61,2
Преступления против военной службы (ст. 332–352 УК РФ)	11 315	10 314	13 051	12 720	10 436	7148	5205
Иные преступления	11 754	10 176	12 193	12 381	9989	9968	8918

* Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учеб.: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2011. С. 828.

Показатели уровня и динамики преступности среди военнослужащих в России за период с 2000 по 2010 гг. отражены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, общее количество преступлений, совершенных военнослужащими в 2010 г., снизилось по сравнению с 2000 г. на 38,8 %, а преступления против военной службы снизились более чем в два раза. В то же время количество общеуголовных преступлений (иных преступлений, кроме преступлений против военной службы), совершенных военнослужащими, снизилось только на 24,2 %.

В 2000 г. преступления против военной службы составляли почти половину (49 %) всех преступлений, совершенных военнослужащими, а в 2010 г. — чуть выше трети из них (36,8 %).

В 2011 г. было зарегистрировано 12 146 преступлений, совершенных военнослужащими, что на 14 % меньше, чем в 2010 г., и на 52 % — чем в 2006 г.

Количество преступлений, совершенных военнослужащими в 2012 г., по сравнению с 2011 г. снизилось на 6,8 %, а в Вооруженных силах Российской Федерации — на 11 %. Всего их было зарегистрировано в 2012 г. 11 032, в том числе в Вооруженных силах Российской Федерации — 9005.

В период с 2011 по 2012 гг. удельный вес преступлений против военной службы в структуре преступности среди военнослужащих снизился с 31,4 до 26,8 %, что было обусловлено снижением количества нарушений уставных правил взаимоотношений на 25,4 % (с 1911 до 1426) и самовольного оставления части или места службы на 15,1 % (с 1352 до 1148) в основном за счет снижения количества данных видов преступлений, совершенных военнослужащими по призыву, соответственно на 27,1 %, (с 1799 до 1 312) и на 38,3 % (с 585 до 361).

В настоящее время преступления против военной службы составляют менее трети всех преступлений, совершаемых военнослужащими, и имеют тенденцию к снижению.

Статистические данные о количестве преступлений против военной службы, совершенных военнослужащими, за последние десять лет (за период с 2007 по 2015 гг.) приведены в таблице 2.

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что количество преступлений против военной службы снизилось в 2015 г. по сравнению с 2010 г. в два раза, в том числе количество нарушений уставных правил взаимоотношений — на 25 %, самовольного оставления части или места службы — в 2,2 раза, дезертирства — в 12 раз.

Приведенные данные статистики свидетельствуют о наличии в последние годы тенденции к снижению общего уровня и интенсивности преступности среди военнослужащих.

По статистическим данным, наблюдается также тенденция к снижению количества осужденных военнослужащих и коэффициента судимости среди военнослужащих. Особенно отчетливо такая тенденция наблюдается с 2008 г., когда в стране началась

Таблица 2

Количество преступлений против военной службы (за период с 2007 по 2015 гг.)

	2007	2008	2009	2010	2013	2014	2015
Всего (по ст. 332–352 УК РФ)	7947	6801	6619	5722	2550	3044	2788
Нарушение уставных правил взаимоотношений (ст. 335 УК РФ)	1431	1239	1167	1186	1128	939	901
Самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ)	4671	4226	4386	2810	934	1429	1296
Дезертирство (ст. 338 УК РФ)	344	266	318	234	23	50	19

Таблица 3

Количество осужденных военнослужащих за период с 2000 по 2010 гг. (по данным Верховного Суда Российской Федерации)

Годы	Всего осуждено военнослужащих	Осуждено военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации	В том числе	
			осуждено офицеров	осуждено военнослужащих по призыву и по контракту
2000	12 408	9254	1240	11 168
2001	12 995	9844	1493	11 502
2002	12 506	9478	1449	11 057
2003	12 505	9302	1630	10 875
2004	13 704	10 219	1775	11 929
2005	14 514	11 661	2211	12 303
2006	15 881	12 971	2565	13 316
2007	13 291	11 138	2244	11 047
2008	10 807	9310	1974	8833
2009	10 333	9232	1914	8419
2010	9146	8158	1689	7457

военная реформа. Статистические сведения о количестве осужденных военнослужащих, в том числе военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, за период с 2000 по 2010 гг. приведены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, за все виды преступлений было осуждено в 2008 г. — 9310, 2009 г. — 9232, 2010 г. — 8158 военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации. В 2011 г. число таких военнослужащих составило уже 6525, что явно свидетельствует о наличии тенденции к снижению их общего количества.

При этом осужденные военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации составляют всего 0,7 % от общего числа осужденных в России и 0,8 % от общей численности Вооруженных сил Российской Федерации.

Осужденные за преступления против военной службы в общем числе осужденных военнослужащих составили в 2009 и 2010 гг. соответственно 65 и 50 %, то есть более половины из них.

В целом за совершение преступлений против военной службы было осуждено в 2009 г. — 6713, 2010 г. — 4538, 2013 г. — 2312, 2014 г. — 2470, 2015 г. — 2581 военнослужащих.

Структура осужденных за преступления против военной службы военнослужащих выглядела при этом следующим образом:

— за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (ст. 335 УК РФ) было осуждено в 2009 г. — 1167, 2010 г. — 1186, 2011 г. — 1911, 2012 г. — 1426, 2013 г. — 977, 2014 г. — 812, 2015 г. — 835 военнослужащих, что составило соответственно 13,3, 12,6, 14,5, 29, 32,3, 42,2 и 32,8 % всех осужденных за преступления против военной службы;

— за самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ) было осуждено в 2009 г. — 4387, 2010 г. — 2860, 2011 г. — 1352, 2012 г. — 1148, 2013 г. — 870, 2014 г. — 1104, 2015 г. — 1159 военнослужащих, которые составили в 2009 и 2010 гг. соответственно 65,3 и 63 %, в 2013, 2014 и 2015 гг. — 37,6, 44,6 и 44,9 % всех осужденных за преступления против военной службы;

— за дезертирство (ст. 338 УК РФ) было осуждено в 2008 г. — 266, 2009 г. — 318, 2010 г. — 234, 2013 г. — 135, 2014 г. –106, 2015 г. — 84 военнослужащих, которые составили в 2013, 2014 и 2015 гг. соответственно 5,8, 4,3, 3,2 % всех осужденных за преступления против военной службы.

Таким образом, наибольшее число военнослужащих из числа совершивших преступления против военной службы были осуждены за самовольное оставление части или места службы (около 50 %) и за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (около 30 %).

В последние годы в структуре преступности среди военнослужащих доминируют не преступления против военной службы, а общеуголовные преступления, прежде всего, против собственности, государственной власти, интересов государственной службы, общественной безопасности. Они составляют около 70 % всех преступлений, совершаемых военнослужащими.

Так, в 2010 г. преступления против собственности составили 17,5 %, а преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправле-

ния — 16,1 % всех преступлений военнослужащих. Из числа военнослужащих, осужденных за преступления против собственности (1427), 26,7 % (381) были осуждены за мошенничество (ст. 159 УК РФ), 22,6 % (323) — вымогательство (ст. 163 УК РФ), 19,6 % (279) — кражу (ст. 158 УК РФ).

Наибольшее количество преступлений из числа совершенных военнослужащими совершается военнослужащими по призыву и контракту. В 2010 г. военнослужащие данной категории составили 81,5 %, в 2012 г. — 70,2 % всех осужденных военнослужащих. В последние годы удельный вес их преступлений в структуре преступности среди военнослужащих несколько снизился за счет роста преступлений военнослужащих из числа офицеров.

Преступления, совершаемые офицерами, составляют в последние годы почти треть всех преступлений военнослужащих. В 2012 г. офицерами было совершено 3223 преступления, или 29,2 % всех преступлений, совершенных военнослужащими. Офицерами в основном совершаются должностные преступления, а также корыстные преступления против собственности, государственной власти, интересов службы.

В 2011 г. среди осужденных офицеров, по данным Верховного Суда Российской Федерации, 37 % офицеров были осуждены за превышение должностных полномочий и злоупотребления властью, 25 % — за преступления против собственности. Офицерами в основном совершаются и все преступления коррупционного характера.

Данные статистики не в полной мере отражают реальное состояние преступности среди военнослужащих из-за присущей ей высокой латентности (скрытости), в силу которой значительная часть преступлений, совершаемых военнослужащими, остается вне официальной регистрации. Высокой латентности преступности среди военнослужащих помимо общих причин латентности преступности способствуют высокая степень закрытости военных объектов и деятельности воинских формирований, а также нормативно установленная ответственность командиров за противоправные действия и поступки подчиненных.

В структуре преступности военнослужащих значительную долю занимают насильственные преступления. В 2012 г. военнослужащими было совершено 2250 таких преступлений, которые составили 23,1 % всех преступлений военнослужащих. Пострадавшими от них были 2783 военнослужащих. Из них 48 был причинен тяжкий вред здоровью, а 6 погибли.

Насильственные преступления совершаются в основном военнослужащими по призыву и по контракту, общая численность которых в 2015 г. почти втрое превысила в армии численность офицеров.

В целом в структуре преступности среди военнослужащих в последние годы стали преобладать общеуголовные преступления. Удельный вес преступлений против военной службы составил в 2012 г. 26,8 %, а общеуголовных преступлений соответственно 73,2 % всех преступлений, совершенных военнослужащими.

В структуре общеуголовных преступлений, совершенных военнослужащими, значительную долю составляют преступления против собственности (в 2010 г. — 17,5 %), из числа которых 27 % составляют мошенничества, 23 % — вымогательства, 20 % — кражи (данные за 2010 г.). За совершение мошенничества в особо крупных размерах осуждается подавляющее большинство военнослужащих из числа офицеров старшего и высшего командного состава.

Достаточно распространенными преступлениями, совершаемыми военнослужащими, являются хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ). Большинство из этих преступлений совершается из складов вооружения, из комнат для хранения оружия, из сейфов в служебных помещениях, из вагонов при перевозках оружия и боеприпасов железнодорожным транспортом. Оружие и боеприпасы похищаются также у отдельных военнослужащих во время проведения военных учений, стрельб, в расположении части и за ее пределами. Хищения оружия и боеприпасов совершаются в основном в форме кражи, а также присвоения или растраты, в некоторых случаях — также в форме грабежа или разбойного нападения. При хищении оружия и боеприпасов из охраняемых объектов лица, их совершающие, вступают в сговор с часовыми. В ряде случаев такие хищения совершаются и самими часовыми, охраняющими объекты хранения оружия и боеприпасов. Проникновения в склады и хранилища нередко осуществляются через оставленные незапертыми двери, окна, люки боевой техники.

В структуре преступности среди военнослужащих заметное место стали занимать, особенно в последние годы, преступления против здоровья населения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. При этом наблюдается тенденция роста удельного веса данных преступлений в структуре преступности среди военнослужащих.

Так, если в 2011 г. было зарегистрировано 365 таких преступлений, то в 2012 г. — 508. Их удельный вес в структуре преступности военнослужащих

составил соответственно 3 и 4,6 %. Если в 2010 г. за совершение преступлений данной категории было осуждено 286 военнослужащих, то к 2014 г. — 518 военнослужащих. За пять лет число таких осужденных почти удвоилось, увеличившись на 81 %.

Основными путями распространения наркотических средств и психотропных веществ среди военнослужащих являются приобретение их у местного населения, получение в посылках от знакомых и родственников, хищения в виде лекарственных препаратов с медицинских складов, из аптек воинских частей и военно-лечебных учреждений.

Подавляющее большинство (более 90 %) преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых военнослужащими, связано с приобретением, хранением, распространением данных средств и веществ.

Структура осужденных за данные преступления военнослужащих характеризуется следующими показателями: офицеры составляют около 11 % от общего количества осужденных; прапорщики — около 9 %; рядовые и сержанты «контрактники» — около 30 %; гражданский персонал и иные лица — менее 10 %. Среди них наиболее криминогенную категорию лиц составляют военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, доля которых от общего количества осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков составляет в среднем около 41 %.

Около 10 % всех преступлений военнослужащих совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а около 20 % — в группе.

В последние годы значительное место в структуре преступности среди военнослужащих стали занимать корыстные преступления коррупционной направленности и должностные преступления. При этом наблюдается рост их удельного веса в общем количестве преступлений, совершаемых военнослужащими. Так, если в 2011 г. удельный вес данных преступлений в структуре преступности военнослужащих составлял 15,8 %, то в 2012 г. — 18,4, а в 2014 г. –19,1 %.

В 2011 г. за совершение преступлений коррупционной направленности было осуждено 743 военнослужащих, из которых 493 (66 %) составили офицеры, в том числе было осуждено девять генералов и адмиралов. В 2012 г. за совершение таких преступлений были осуждены 529 должностных лиц, 316 (59,7 %) из них офицеры, в том числе три — высших офицеров.

Фактов получения взяток военнослужащими было выявлено в 2010 г. — 219, в 2011 г. — 222, в 2012 г. — 334, превышения должностных полномочий соответственно — 181, 210 и 476.

Наибольшее количество преступлений коррупционной направленности совершается военнослужащими в форме мошенничества, превышения должностных полномочий, злоупотребления должностными полномочиями, присвоения и растраты, дачи и получения взятки. Большинство указанных преступлений совершается при осуществлении государственных закупок продовольствия и военного имущества, распределении заказов на разработку, производство и ремонт вооружения и военной техники, распоряжении высвобождаемым недвижимым имуществом и земельными участками, использовании денежных средств, выделенных на строительство жилья для военнослужащих, приеме на работу, увольнении и продвижении военнослужащих по службе.

При этом отмечается высокая латентность преступлений коррупционной направленности, совершаемых военнослужащими. Результаты специально проведенных опросов среди военнослужащих показали, что данные преступления получили широкое распространение в среде военнослужащих. Так, о коррумпированности должностных лиц при производстве денежных выплат заявили 22 %, при решении жилищных проблем — 17 %, при переводе к новому месту службы — 11 %, при распределении по окончании военного образовательного учреждения — 10 %, при назначении на вышестоящую должность — 9 %, при оказании медицинской помощи — 6 %, при предоставлении отпусков — 4 % опрошенных. Из числа опрошенных 66 % сообщили, что лично приходилось оказываться в ситуациях, когда путем передачи денег, подарков и оказания разных услуг важный вопрос решался в органах военного управления и воинскими должностными лицами быстрее и эффективнее[4].

В последние годы в общей структуре преступности среди военнослужащих все большее значение приобретают показатели уровня преступлений, совершаемых военнослужащими по неосторожности.

Так, только в 2010 г. за совершение неосторожного преступления было осуждено 233 военнослужащих по призыву и контракту, которые составили 2,9 % всех осужденных военнослужащих.

Неосторожные преступления совершаются военнослужащими в основном в сфере использования военной техники и вооружений, в быту, а так-

[4] Корякин В.М. О некоторых аспектах проявления бытовой коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации // Право в Вооруженных силах. 2008. № 7. С. 27–33.

же в сфере обеспечения охраны окружающей среды, общественной безопасности и здоровья населения при осуществлении военной деятельности.

В ближайшие годы в условиях обновления военной техники и вооружений, усложнения задач, выполняемых военнослужащими, интенсификации военной деятельности неосторожные преступления могут количественно вырасти значительно, если не будут приняты своевременные и действенные меры по их профилактике.

Преступность среди военнослужащих является в основной своей части разновидностью преступности среди молодежи. Большинство преступлений, совершаемых военнослужащими, составляют преступления военнослужащих по призыву и по контракту. Основная масса данных лиц — юноши и молодые люди мужского пола в возрасте от 18 до 29 лет, имеющие среднее или средне-специальное образование и еще не создавшие свою семью. Молодежь по сравнению с остальной частью населения отличается, как установлено многочисленными криминологическими исследованиями, повышенной криминальной активностью. В этом и заключается одна из особенностей преступности среди военнослужащих.

Литература

1. Аулов В.К., Быстров П.Г., Туганов Ю.Н. Виды приговоров суда: процессуальные требования и варианты изложения: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. 388 с.
2. Корякин В.М. О некоторых аспектах проявления бытовой коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации // Право в Вооруженных силах. 2008. № 7. С. 27–33.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учеб.: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2011. С. 828.
4. Преступность и правонарушения 2010–2014 гг.: стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2015. 180 с.; Единый отчет о преступности в России за 2015 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2016. 52 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИИ И США: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ

Овчаров Олег Андреевич,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук
o.oleg.1968@mail.ru

В статье кратко рассмотрены и проанализированы проблемы совершенствования правовой работы в сфере государственно-церковных отношений в области обороны в части правового статуса военного духовенства, в том числе законодательство и практика его применения в отношении военного духовенства в дореволюционной России и в США, предложены пути совершенствования правовой работы с учетом исторического и зарубежного опыта.

Ключевые слова: *правовая работа, военное духовенство, правовой статус, организационное единство.*

Legal Status of Military Clergy in Russia and the United States: Issues of Improvement of legal work

Ovcharov Oleg A.,
Lecturer of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences

The article briefly reviewed and analyzed the problem of improving the legal work in the field of church-state relations in the field of defense in terms of the legal status of military clergy, including legislation and practice

in relation to the military clergy in pre-revolutionary Russia and the US, suggested ways to improve the legal work, taking into account the historical and international experience.

Key words: *legal work, the military clergy, legal status, organizational unity.*

21 июля 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев санкционировал введение в России института военного духовенства[1]. Вскоре после этого появилось Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации, которое было утверждено министром обороны России 24 января 2010 г.[2]

Это был большой шаг в сторону воссоздания военного духовенства. Однако анализ этого Положения показывает, что его следует расценивать скорее как полумеру, поскольку оно создает не столько военное духовенство, сколько органы по работе с верующими военнослужащими Минобороны России. По сути, это не структура религиозной организации, а структура государства, пытающаяся подменить религиозную организацию. Заменить военное духовенство помощниками командира по работе с верующими военнослужащими, которые подчинены командиру (на основании трудовых договоров, заключаемых военным ведомством со священником), а не религиозной организации, которую должны представлять и от имени которой должны осуществлять религиозную деятельность в войсках.

Этот вывод подтверждает и официальный сайт Минобороны России, на котором размещен раздел «Управления по работе с верующими военнослужащими Главного управления по работе с личным составом ВС РФ»[3], где помещена информация об этом подразделении Минобороны России. Из этой информации следует, что Управление по работе с верующими военнослужащими ВС РФ сформировано в 2010 г. в составе Главного управления по работе с личным составом ВС РФ во исполнение поручения Президента РФ о введении института военного духовенства. В структуру органов по работе с верующими военнослужащими ВС РФ также входят отделения по работе с верующими военнослужащими управлений по работе с личным составом военных округов, помощники командиров (начальников) соединений, воинских частей, военно-учебных заведений и учреждений Минобороны России.

Данный вывод подтверждают и результаты проведенной 8 февраля 2012 г. (спустя два с половиной года после принятия Президентом России решения о введении военного духовенства) встречи Председателя Правительства России (в тот период) В.В. Путина с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и главами религиозных объединений России, на которой В.В. Путин сказал в частности: «И еще один приоритет, чрезвычайно важный и традиционный, собственно говоря, для наших конфессий, прежде всего, конечно, для Русской православной церкви (ну и в сегодняшних условиях для всех традиционных конфессий), — это участие Церкви в жизни Вооруженных сил РФ. Традиция такого участия и служения уходит глубоко корнями в историю нашей Родины, является одним из мощных источников патриотизма. Церковь всегда была с народом, особенно в самые тяжелые времена». И, подведя итог, В.В. Путин далее поставил задачу: «Считаю, что необходимо на должный уровень поставить развитие института военного духовенства. К решению этой задачи с равным вниманием должны подойти и религиозные организации, и само Министерство обороны»[4].

Внимательный анализ сущностного содержания поставленной задачи показывает, что в динамично меняющихся государственно-церковных отношениях развитие института военного духовенства стоит не на должном уровне и требует дальнейшего совершенствования, в том числе и с помощью правовых средств, с помощью комплексной правовой работы, проводимой в этом направлении. Русская православная церковь на поставленную задачу ответила изданием Положения о военном духовенстве Русской православной церкви в Российской Федерации (принято на заседании Священного Синода Русской православной церкви 25–26 декабря 2013 г., журнал № 141)[5]. Данное синодальное По-

[1] Уже в этом году в Российской армии появится должность военного священника [Электронный ресурс] // URL: http://www.pobeda.ru/content/blogcategory/62/167/16/0

[2] Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации // Вестник военного и морского духовенства. URL: http://kapellan.ru/polozhenie-po-organizacii-raboty-s-veruyushhimi-v-vooruzhennyx-silax-rf.html

[3] URL: http://sc.mil.ru/social/organization.htm?id=11396@morfOrgScience

[4] Лукичёв Б.М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооруженных силах РФ). М.: ФИВ, 2016. С. 84–85.

[5] Положение о военном духовенстве Русской православной церкви в Российской Федерации [Электронный

ложение попыталось хоть как-то сгладить те несовершенства, которые обнажило указанное выше Положение министра обороны. Так, например, синодальным Положением вводится понятие военного духовенство, причем двух категорий: штатное и нештатное, чего нельзя встретить в министерском Положении. Устанавливается четкая подчиненность штатного военного духовенства не только командирам, но и местным архиереям по отдельным вопросам, а нештатного — только архиереям. Со стороны же Минобороны России никаких ответных правовых мер (по совершенствованию института военного духовенства) на поставленную В.В. Путиным задачу до сих пор не последовало, какого-либо нормативного правового акта о военном духовенстве министр обороны так до сих пор и не издал, хотя и прошло уже почти пять лет.

Поэтому возникает закономерный вопрос: являются ли органы по работе с верующими военнослужащими военным духовенством (органом религиозного объединения) или чем-то другим, например структурным подразделением Минобороны, т. е. государства (государственным органом)? В этой связи встает и другой вопрос: выполнено ли в полном объеме поручение Президента России (данное им еще в 2009 г.) о введении института военного духовенства? Для ответа на эти вопросы попробуем проанализировать правовой статус указанных подразделений согласно действующему законодательству и для полного сравнения и понимания — правовое положение дореволюционного военного духовенства в России, а также аналогичных подразделений в США.

В силу **п. 2 ст. 14** Конституции России религиозные объединения отделены от государства. Указанный конституционный принцип раскрывается в **ст. 4** ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», согласно которой **государство** не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений, не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит закону, а **религиозное объединение** не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений, создает и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно соответствующим условиям и требованиям и в порядке, предусматриваемом своими внутренними установлениями.

Этим конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства и следует руководствоваться при решении вопроса о правовом статусе военного духовенства и путях его дальнейшего совершенствования. Вместе с тем, как сообщил на методическом семинаре с военным духовенством Приморской митрополии 17 февраля 2016 г. начальник управления по работе с верующими военнослужащими Главного управления по работе с личным составом ВС РФ, в структуру военного духовенства входят 178 человек, из них 10 не имеющие священного сана. В управлении все работники не являются священниками. В военных округах в штате есть священники: начальник — светский, а три помощника — священники. На местах помощники командиров по работе с верующими военнослужащими подчиняются непосредственно командирам. Командир воинской части является единоначальником[6].

Из всего вышеизложенного следует, что военные священники встроены в систему органов военного управления, занимают лишь низовые должности и подчиняются командирам (начальникам), а не священноначалию, что свидетельствует об отсутствии организационного единства военного духовенства и распылении (растворении) его в структурах и органах государственного аппарата. Похожая ситуация была уже в истории военного духовенства России.

Лишь со времени учреждения к началу XVIII в. регулярной армии появляются и постоянно служащие при полках священники. Именно это время и можно считать началом зарождения особого института военного духовенства, за два с лишним века своей истории прошедшего путь от разрозненных, кочующих за полком со скудным скарбом и полотняной церковной палаткой, священнослужителей до самостоятельной крупной структуры со своим управлением, своими особыми задачами. Впервые обязанности военных священников были закреплены в петровских Уставе воинском (1716 г.) и Морском уставе (1720 г.). В связи с расширением государством круга задач, которые должны были решать военные священники, постоянно пополнялся и перечень их должностных обязанностей. В 1869 г. обязанности полковых священников бы-

ресурс] // URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html

[6] Открываются перспективы для назначения в Приморье новых штатных военных священников [Электронный ресурс] // URL: http://www.eparhia.ru/vladivostok_news/?id=154320

ли систематизированы и состояли из 19 пунктов[7]. В 1887 г. были систематизированы и упорядочены их права; императором было утверждено «Положение о служебных правах и окладах содержания военного духовенства». Наиболее полно общие обязанности и права полковых священников были изложены в Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств, а так же некоторых документах, принятых в последующие годы[8].

Правовое и материальное положение военного и морского духовенства регулировалось высочайше утвержденным 21 декабря 1887 г. Положением о новых служебных правах и окладах содержания военному духовенству. Главный священник (протопресвитер) был приравнен к генерал-лейтенанту, протоиерей — к полковнику (до этого времени они имели права генерал-майора и майора соответственно). Полковой священник получил практически полный капитанский рацион: жалованье в сумме 366 рублей в год, столько же столовых, не считая других видов довольствия. За выслугу устанавливались прибавки к жалованью: за 10 лет службы в военном ведомстве — 25 % от жалованья, за 20 лет — половина жалованья. Военному и морскому духовенству предписывалось безвозмездно совершать все требы для чинов своего полка.

Практика исторического развития военно-религиозных отношений в Российской империи сложилась так, что определяющую и регулирующую роль в них взяло на себя государство, создав стройную систему взаимодействия силовых структур с РПЦ. С первых дней появления в силовых структурах России штатных священников их деятельность стала жестко регламентироваться со стороны как государства, так и Церкви. Нормативно-правовые документы, основным среди которых с 1890 г. стало Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств, регулировали все аспекты деятельности военно-духовного ведомства и священно-церковно-служителей в войсках. Соответствующие нормативные акты, регулирующие деятельность штатного православного духовенства, были приняты в спецслужбах и правоохранительных учреждениях. «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» позволило создать институт военного духовенства, по своей структуре и функциональному предназначению соответствующий организационно-штатному построению Российской армии и флота и решаемым ими задачам. Специфика пастырской службы в войсках отразилась в особенностях устройства института военного духовенства. Хотя ведомство имело очень много общего с епархиальным устройством, существовали и принципиальные отличия. Общим было то, что возглавлявший военное и морское духовенство протопресвитер, подобно архиерею, назначался Синодом и утверждался императором. Он подчинялся непосредственно Синоду и имел духовное правление по образу консистории, представлял в Синод ежегодный отчет о вверенном ему управлении, мог поощрять и наказывать подведомственное ему духовенство.

Во время Первой мировой войны в подчинении протопресвитера (главного священника в военном ведомстве) было свыше 5 тыс. священников. Об их деятельности во время военных действий давали благожелательные отзывы оба Верховных Главнокомандующих царской армии. Департаменту военных священников были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальные, 17 тюремных, 33 судебные и т.д.), а также целый ряд лечебных и прочих богоугодных заведений. Численный состав священников в русской армии определялся штатами, утвержденными военным министерством[9].

Таким образом, постепенно, правовой статус военного духовенства совершенствовался: от разрозненных кочующих с войсками полковых священников до организационно самостоятельного управления во главе с протопресвитером, которому в основном и подчинялись военные священники. Организационное единство военного духовенства и приравнивание его к воинским чинам (которых военные священники не имели, так как не являлись военнослужащими) в плане материального обеспечения оказалось востребованным в силу важности и специфики задач, решаемых военным духовенством в области обеспечения обороны страны, в том числе и на поле боя[10].

В США законодательно создание института военных священников утвердил акт Первого конти-

[7] Голов Г.В. Прохождение службы по военному ведомству. Кн. VII Свода военных постановлений 1869. СПб., 1907. С. 9.

[8] Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств. СПб., 1890. 32 с.

[9] Новожилов И. Армия и церковь: сравнительный анализ взаимоотношений на примере опыта западноевропейских государств, США и России // Ориентир. 2003. № 4. С. 39.

[10] О героизме и подвигах военного духовенства в боевых условиях см. подр.: Протоиерей Георгий Поляков. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. 536 с.; Протоиерей Николай Агафонов. Ратные подвиги православного духовенства. М.: Благовест, 2013. 350 с.

нентального конгресса от 29 июля 1775 г. В американской армии институт военных священников, получивший название «служба капелланов» (СК), был создан президентом США Джорджем Вашингтоном уже в 1775 г. К 1918 г. в войсках их насчитывалось уже более 2200. В 1918 г. был принят закон, регламентирующий численность служителей культа в вооруженных силах из расчета один капеллан на 1200 военнослужащих. Кроме того, на каждый военный округ дополнительно выделялось 20 священнослужителей. Священнослужители выполняли широкий круг обязанностей: сопровождая войска в боях и походах, проводили богослужения непосредственно на передовой и в других местах, где была в этом необходимость; оказывали физическую помощь и духовную поддержку больным и раненым; по окончании боевых действий отыскивали тела погибших, организовывали церемонии по их отпеванию и погребению, занимались написанием и отсылкой писем с соболезнованиями родственникам, а также другими вопросами. Несмотря на то что военные священники не считались комбатантами, многие из них за мужество и храбрость, проявленные в боевой обстановке, были удостоены высоких воинских наград (в том числе посмертно), довольно значительное их число погибло. В ВС США была даже учреждена «Капелланская медаль за героизм». Одному из самых известных военных священников, служивших в американской армии в годы Первой мировой войны, Фрэнсису П. Даффи, в Нью-Йорке, на площади Таймс, установлен памятник[11].

В настоящее время в соответствии с законодательством Соединенных Штатов Америки условия для свободного вероисповедания обязано обеспечить военное командование страны. В вооруженных силах США общего единого главы военного духовенства нет. Руководство военно-религиозной службой осуществляет совет капелланов при помощнике министра обороны по строительству вооруженных сил и личному составу. Совет включает шесть человек, в том числе трех начальников службы капелланов (главных капелланов) видов вооруженных сил в звании генерал-майор (в ВМС — контр-адмирал), которые, ежегодно поочередно сменяясь, занимают пост председателя совета (Chief of Chaplains — главного капеллана ВС США). Совет подчиняется заместителю министра обороны по личному составу и вопросам боеготовности. Являясь коллективным органом, совет капелланов вырабатывает рекомендации по внесению в боевую и морально-психологическую подготовку личного состава, включающую морально-этическое воспитание, элементов религиозного воздействия.

Совету подчинены управления главных капелланов при штабах видов вооруженных сил, которые выполняют свои функции через отделы при штабах военных командований и им равных. Главный капеллан вида сил имеет заместителя (Deputy chaplaincy) и подчиняется соответствующему начальнику штаба. В штабах объединений существуют отделы капелланов, в штабах соединений и частей (до отдельного батальона) — отделения капелланов, секции капелланов и штатные должности капелланов штаба. В сухопутных войсках штатные капелланы существуют на уровнях: батальон (капитан), бригада (подполковник), дивизия (полковник), корпус. Капелланы назначаются также на военные базы. Кроме того, они служат в госпиталях, на гауптвахтах и в образовательных учреждениях. В среднем один капеллан приходится на 700 военнослужащих. В горячих точках, в частности в Ираке, один капеллан обслуживает в среднем 400 человек. Всего в армии США около 2500 штатных капелланов. Это позволяет охватить почти весь личный состав вооруженных сил и осуществлять индивидуальный подход к военнослужащим. Количество помощников капелланов примерно равно численности капелланов.

На военных священников распространяются все льготы, которыми пользуются офицеры. В соответствии со званием им устанавливают определенный базовый оклад, от которого отсчитываются все остальные денежные надбавки. Священников обеспечивают служебным жильем, или выдаются пособие на аренду квартиры. Им также предоставляются бесплатное медицинское обеспечение, бесплатный проезд к месту службы и другие льготы. Жизнь капелланов страхуется на сумму до 400 тыс. долларов при низкопроцентной ставки. Им выделяются средства на покупку обмундирования и специальной униформы. У каждого капеллана есть помощник (ассистент) из числа сержантского и рядового состава, назначаемый командованием. Он проходит семинедельную подготовку в школах капелланов Форт-Монмаут и Форт-Джексон в соответствии с военно-учетной специальностью «помощник капеллана» (MOS 56M) и частично освобождается от службы. Помощник имеет оружие, чтобы защитить капеллана в случае необходимости, должен иметь водительские права, уметь ра-

[11] Стрелецкий А. Служба военных священников сухопутных войск США [Электронный ресурс] // URL: http://pentagonus.ru/publ/3-1-0-583

ботать на компьютере и печатать со скоростью не менее 20 слов в минуту. Всего в вооруженных силах США насчитывается более 2 тыс. ассистентов — как мужчин, так и женщин. В обязанности помощника входит подготовка войсковой или корабельной церкви к службе.

За проведение религиозного обучения и воспитания военнослужащих отвечает командир воинской части. Капеллан же готовит и осуществляет программу такого обучения и воспитания. Задачи военных капелланов США подробно описаны в уставе FM 1-05 «Полевой устав по религиозному обеспечению». В нем, в частности, говорится: «Командир обеспечивает возможность для свободного вероисповедания. Духовная группа подразделения (UMT) обеспечивает и выполняет следующие религиозные обязанности в рамках уникальной военной составляющей в поддержку религиозного плана командира. В это входят: религиозные службы; обряды; наставления и советы; религиозное образование; семейная жизнь; духовная поддержка; профессиональное обеспечение командира и штаба; управление и администрирование; религиозная и гуманитарная поддержка; планирование мероприятий по религиозной поддержке; обучение религиозной подготовке»[12].

Таким образом, можно увидеть, что в США институт военного духовенства также, постепенно развиваясь, приобрел организационное единство и четкое самостоятельное положение в системе органов военного управления, а военные священники по правовому статусу приравнены к офицерскому составу.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что в России правовой статус военного духовенства в настоящее время недостаточно четко определен, а сам институт военного духовенства требует своего дальнейшего развития и совершенствования с учетом действующего законодательства, внутренних установлений религиозных организаций, имеющегося в России исторического опыта, а также опыта ведущих зарубежных государств в направлении укрепления организационного единства и повышения правового положения военного священника (в плане материального обеспечения его деятельности) до уровня соответствующего офицерского состава.

[12] Беляков А. Религиозное воспитание в иностранных армиях [Электронный ресурс] // URL: http://rusk.ru/st.php?idar=40010

Литература

1. Беляков А. Религиозное воспитание в иностранных армиях [Электронный ресурс] // URL: http://rusk.ru/st.php?idar=40010
2. Голов Г.В. Прохождение службы по военному ведомству. Кн. VII Свода военных постановлений 1869. СПб., 1907.
3. Лукичёв Б.М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооруженных силах РФ). М.: ФИВ, 2016. 239 с.
4. Новожилов И. Армия и церковь: сравнительный анализ взаимоотношений на примере опыта западноевропейских государств, США и России // Ориентир. 2003. № 4. С. 39.
5. Протоиерей Георгий Поляков. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. 536 с.
6. Протоиерей Николай Агафонов. Ратные подвиги православного духовенства. М.: Благовест, 2013. 350 с.
7. Стрелецкий А. Служба военных священников сухопутных войск США [Электронный ресурс] // URL: http://pentagonus.ru/publ/3-1-0-583

О КРУГЕ ВОЕННЫХ ФУНКЦИЙ РУССКИХ ВЫБОРНЫХ ДВОРЯН (ПО БОЯРСКИМ И ПОХОДНЫМ СПИСКАМ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.)

Солодкин Яков Григорьевич,
профессор кафедры истории России
Нижневартовского государственного университета,
доктор исторических наук
hist2@yandex.ru

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и списки участников (потенциальных и действительных) кампаний 1589–1590 и 1604–1605 гг. против шведов и отрядов первого самозванца позволяют установить, что выборные дворяне чаще всего служили осадными, казачьими, стрелецкими, татарскими головами, в головах у «литвы», черкас, детей боярских, занимались мобилизациями служилых и посошных людей, сбором продовольствия и фуража, строительством крепостей, охраной южнорусских границ.

Ключевые слова: *выборные дворяне, боярские и походные списки 1577–1604 гг., мобилизации служилых и посошных людей, головы у казаков, стрельцов, татар, «литвы», черкас, детей боярских, осадные головы.*

Range of Military Functions of Russian Elected Nobility (under Boyar and Marching Lists of the Q4 XVI — Early XVII Centuries)

Solodkin Yakov G.,
Professor of the Department of Russian History
of the Nizhnevartovsk State University,
Doctor of History

The boyar registers of the final quarter of the 16th — early 17th centuries, along with the registers of participants — both potential and factual — of the1589–1590 and 1604–1605 campaigns against the Swedes and the detachments of False Dmitry I, make it possible to ascertain that, in the majority of cases, high-rank local nobility headed besiege military units, Cossack, the streltsy and Tatar detachments, as well as Lithuanian and Ukrainian troops, and subordinate low-ranking nobles. They were in charge of servicemen recruitment, food and fodder supplies, fortress building, as well as southern Russian border defence.

Key words: *High-rank local nobility, 1577–1604 boyar and campaign registers, servicemen recruitment, heads of Cossack, the streltsy and Tatar detachments, Lithuanian and Ukrainian troops, low-ranking nobles, besiege military units.*

К числу самых ценных источников по социально-политической истории позднесредневековой России относятся боярские и походные списки. Эти документы, в частности, с наибольшей полнотой фиксируют круг военных обязанностей выборных дворян, составлявших верхний слой провинциальных служилых людей «по отечеству» и вместе с тем нижний разряд государева двора.

За последнюю четверть XVI — первые годы XVII вв. (с конца царствования Ивана Грозного до начала московской Смуты) фрагментарно или в большей части сохранились шесть боярских списков. В отрывке одного из них, появившегося в течение 1585–1587 гг., выборные не упомянуты, а еще в двух, составленных в 1590–1591 гг. (вероятно, после Шведского похода), где названы 32 таких дворянина из 4 уездов, и в 1598–1599 гг. (скорее всего, через несколько месяцев после коронации Бориса Годунова)[1] с перечнем 100 выборных, принадлежавших к 35 уездным корпорациям, о военных функциях данной категории служилых умалчивается.

В «земском» боярском списке, составленном накануне очередного Ливонского похода Ивана Грез-

[1] Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Вступительная статья // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). Ч. 1. М., 1979. С. 34, 38.

ного, между февралем и апрелем 1577 г.[2], значатся 225 выборных по 26 уездам, в том числе 11 дворян с пометами «в дозор у стрельцов», 4 — находящимися при казаках и столько же «у наряду» (артиллерии), в частности в Серпухове, 2 — головами с татарами, а один (торопчанин И.Ф. Игнатьев) у ногаев[3]. По 2 выборных (Ю.И. Аксаков и Я.И. Судимантов из Дмитрова и Белой соответственно) несли службу «у частика»[4] и «крепостей», вероятно, засечных[5] (К.Д. Поливанов и князь Д.П. Елецкой, числившиеся в Можайском и Боровском уездах); Ф.Г. Иванов (Яковля) из Мещевска являлся головой у «посохи», а каширянин И.И. Губин находился «в Кокшаг[е] у татар»[6]. По 1 выборному в рассматриваемом документе упомянуты с пометами «на Москве в осаде», видимо, в качестве осадного головы (князь М.В. Мезецкой из Рузы), «у черкас» (калужанин В.Т. Шарапов), «голова у стрельцов» (И.М. Змеев из Мещевска), «с судовыми людьми» (князь В.М. Лобанов-Ростовский, относившийся к рязанскому «выбору»), «на Оскол» (князь Ю.М. Мещерский из Каширы, по-видимому, в должности стоялого головы[7]). В боярском списке конца царствования Грозного сообщается и о пленении (очевидно, крымскими татарами) рязанца М.Н. Глебова на Сосне[8], куда русские отряды посылались еще в 1565 г.[9]

В следующем из дошедших до нас боярских списков, составленном в первые недели осени 1588 г. и использовавшемся в делопроизводстве Разрядного приказа свыше года, почти до выступления русской армии в Шведский поход, вначале из Москвы в Новгород (14 декабря 1589 г.)[10], содержится перечень (по наблюдениям С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, сохранившийся целиком) 651 выборного по 47 уездам. Среди этих дворян 8 служили, причем 1 головой, 2 в Свияжске и Санчурске, с татарами, в том числе казанскими и чебоксарскими[11], например, владимирцы Ф.М. Туров[12] и З.А. Бестужев, костромичи В.А. Овцын и И.М. Товарищев, С.И. Языков из Белой[13], 4 — у стрельцов, в том числе в головах, 3 — головами у казаков в Алексине, Ряжске, Ливнах, на Плове, столько же «в осаде», т. е. осадными головами, в Рязани, Зарайске, Черни и Туле, 5 — «у городового дела», в частности, в Астрахани[14] (где в то время сооружалась новая крепость[15]). Единственного выборного по Торжку Б.Л. Цыплятева определили к наряду в Новгород, представлявший кашинскую корпорацию Д.И. Милюков являлся головой у «литвы», тарушанин Г.Ф. Хомяков находился у засеки, а брянчанин А.Ф. Зиновьев — в станице[16], наконец, «ржевитин» И.З. Нащокин «ставил» город на Переволоке, т. е. Царицын[17]. Несколько же сот выборных участвовали в первой, самой широкомас-

---

2 Там же. С. 20; и др.

3 БСР. Ч. 1. С. 101. В конце Ливонской войны на русскую службу нанимали порой до 2–3 тыс. ногаев. См., напр.: Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 25, 27, 29.

4 Это бревенчатое укрепление засеки. См.: Буганов В.И. Засечная книга 1638 г. // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 23. М., 1960. С. 253; и др.

5 Буганов В.И. Указ. соч. С. 192. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 450.

6 Имеется в виду не река Кокшага (БСР. Ч. 2. М., 1979. С. 175, по указателю), а город Кокшайск, основанный в 1574 г. в устье этой реки, впадающей в Волгу. См.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 12.

7 Ср.: Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 30–32; Разрядная книга 1475–1605 (далее — РК). Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 156. Речь, несомненно, идет не о городе Осколе (БСР. Ч. 2. С. 180, по указателю), «поставленном» осенью 1596 г., а об одноименной реке, где при устье Ублы с 1571 г. размещалась общероссийская сторожа.

8 БСР. Ч. 1. С. 91–96, 98.

9 РК. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 179; Ч. 2. М., 1982. С. 233–234; Ч. 3. М., 1982. С. 413. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 162.

10 Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 28–30. Этот боярский список, как и появившийся в течение 1602–1603 гг., вероятно, представляет выборных «в полном составе» (Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 147).

11 Об участии этих, а также свияжских, кузмодемьянских «и всех городов» татар в «ругодивском» походе «святоцаря» Федора сказано и в так называемом Поволжском летописце начала XVII в. См.: Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 215.

12 Ф.М. Туров являлся татарским головой в Казани еще в 1584–1585 г. (Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Указ. соч. С. 214).

13 БСР. Ч. 1. С. 129, 130, 133, 148, 173, 175. Ср.: С. 278, 280.

14 Там же. С. 132–133, 135, 138, 142, 146, 151, 155, 157, 161, 165, 167, 170, 173, 175. Ср.: С. 127. В осадных головах в Рязани служил, кстати, местный дворянин Ю.М. Чевкин.

15 Зимин А.А. Указ. соч. С. 145–146, 198.

16 Возможно, он был послан с казаками на Дон либо сопровождал дипломатическую миссию. Так, известно, что в течение 1585–1594 гг. рязанский выборный В.Г. Биркин не раз провожал и встречал русских и турецких послов или посланников, ездивших по Дону до Азова и обратно.

17 БСР. Ч. 1. С. 136, 145, 156, 163, 169. Ср.: С. 105, 123, 127, 275.

штабной кампании русско-шведской войны 1590–1595 гг., когда армия Федора Ивановича осаждала, хотя и безуспешно, Нарву (Ругодив).

Накануне этой кампании, поздней осенью 1589 г., в Разрядном приказе был составлен список предполагаемых участников перехода полков из Москвы в Новгород, а также лиц, посланных «наперед» главных сил, собиравших на войну детей боярских и «посоху»[18]. Согласно походному списку, где упомянуты 294 выборных из 43 уездов, 54 таких дворянина были заняты мобилизацией детей боярских[19] (в 48 уездах), а вязьмич Г.И. Микулин — татар, 26 — «посошных людей» (в 41 уезде), 13 были посланы «для кормов», т. е. сбора продовольствия и фуража, «про государя», «з Дворца», «на Дворец», в том числе Р.Ш. Любученинов из Коломны — в новгородские пятины, а трое, что выделено специально, — «для кормов татарских», в частности, в Ростов[20]. С пометой (как и в боярском списке конца 1580-х гг. относительно «ржевитина» А.Т. Жеребцова, затем посланного в Новгород) «отос[лан] из Стрел[ецкой]» (избы), причем теперь поясняется, что «з деньгами», т. е. жалованием служилым людям, названы вязьмич И.И. Осорьин, туляк Н.П. Чепчугов, П.Я. Братцов из Волоколамска, дорогобужцы князь Ф.А. Звенигородский, И.Ю. Лобанов, И.Е. Неелов[21].

Боярский список 1602–1603 гг., благодаря которому известно о 822 выборных, представлявших 51 уезд[22], в отличие от более ранних документов такого рода дает возможность судить о военных обязанностях видных провинциальных дворян в мирное, хотя уже предгрозовое время. 17 из них числились на заставах[23], 10 — в головах у стрельцов «на Низу» (иначе говоря, в Среднем Поволжье)[24], в Астрахани, Туле, Дедилове, Михайлове, Черни, Осколе[25], по одному — головами у казаков «на Ливне» (П.А. Камынин из Серпейска) и у детей боярских в Мценске (болховитин Т.А. Хитрово), а «туленин» С.И. Данилов — у черкас в Дедилове[26], очевидно, тоже головой, 7 (включая 2 из Коломны и 2 из Алексина) — «в осаде», т. е. осадными головами, в Серпухове, Коломне, Белеве, Козельске, Алексине, Данкове[27]. 15 выборных занимали должности голов в Курске, Белгороде, Осколе, Цареве-Борисове, Ливнах, Рыльске, Путивле, Стародубе, Карачеве, Новгород-Северском, Монастырском остроге, Невле, причем четверо из этих дворян служили по Туле, трое — по Козельску, двое — по Калуге, двое — по Зубцову, двое — по Брянску[28]. Относительно Т.М. Змеева, С.А. Мясного, М.И. Юшкова и Ф.М. Ивашкина об этом сказано и в «разрядах»[29]. Стало быть, среди полутора десятков голов, названных в боярском списке, многие являлись администраторами, уступавшими по статусу воеводам, а некоторые, возможно, — казачьими и стрелецкими, тем более в северских и «польских» городах.

В «чиновном перечне дворовых»[30] говорится о «посылке» зубцовского дворянина И.Д. Кобылина «на Белую» «для приходу черкас» (с точки зрения В.И. Корецкого, на случай вторжения запорожских казаков, возвращавшихся из Ливонии)[31] и пребывании дорогобужца И.А. Нармацкого и У.А. Матова (служившего по Воротынску) в Комарицкой и Сомовской волостях соседних Брянского и Карачевско-

[18] Ряд дворян, которые названы в этом списке, участия в походе к Новгороду и далее под Ругодив не приняли (Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 63).

[19] Такие задания выполняли и представители княжеских корпораций, дворяне московские. См.: БСР. Ч. 1. С. 274–278.

[20] БСР. Ч. 1. С. 281, 283, 286, 288, 292.

[21] Там же. С. 136, 283, 292, 302, 304, 305.

[22] Часть перечня выборных в этом документе, как и в боярском списке 1577 г., утрачена. См.: Мордовина С.П., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 16, 40–41.

[23] Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 201. Ср.: С. 131. В «разрядах» сообщается и о «посылке» на заставы в 1603 г. князя В.Г. Щетинина Ярославского и В.Г. Колединского (Там же. С. 220). Последний из них принадлежал к дорогобужскому «выбору». За рассматриваемое время известно о двух князьях В.Г. Щетининых, которые относились к выборным по Рязани и Коломне (первый из них имел прозвище «Борода»). См.: БСР. Ч. 1. С. 143, 153, 173, 208, 221, 244, 272, 283, 288, 305; и др. В 1604–1605 г. «за заставою» в Смоленском уезде, упоминающейся в «разрядах» под 1600–1601 г., находился зубцовский выборный В.С. Толстой (БСР. Ч. 2. С. 9; РК. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 126). В «разрядах» сказано и о службе на заставе в Тесове близ Новгорода в 1592–1593 г. (Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 105. Ср.: С. 91, 103).

[24] Там служили трое из них — галичанин С.З. Отрепьев, каширяне А.И. Хотяинцев и И.П. Федоров.

[25] БСР. Ч. 1. С. 215, 216, 219, 222, 228, 229, 237, 239, 241.

[26] Там же. С. 223, 231, 234.

[27] Там же. С. 220, 222, 226, 227, 230. В Алексине, заметим, осадным головой был местный выборный С.В. Хитрово.

[28] БСР. Ч. 1. С. 222 — 227, 232, 234, 240–242.

[29] Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 210, 211. Ср.: С. 200; и др.

[30] Так, А.Л. Станиславский определял боярский список (Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 150. Ср.: С. 123).

[31] Корецкий В.И. Указ. соч. С. 201. В «разрядах» имеется запись о службе в 1602–1603 г. выборного по Медыни Ф.И. Бобрищева-Пушкина «на Белой» «для бережения от литовских людей» (Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 147).

го уездов[32]. Я.Л. Лодыженскому из Козельска 8 июня 1603 г. «за послугу, как посылан из Борисова города, придано 50 чети». Возможно, имеется в виду «обозная служба», за которую на 100 четвертей был увеличен поместный оклад туляку П.Б. Извольскому[33].

В составленной в последней декаде ноября — первых днях декабря 1604 г.[34] росписи русской армии, двинутой против вторгнувшихся в южнорусские уезды отрядов самозваного «царевича Дмитрия», есть указания на 279 выборных, из которых перечислены 227[35]. С 5 из них, не участвовавших в походе, — муромца Г.Ф. Елизарова, костромича М.И. Зюзина, М.В. Милюкова, С.О. Безобразова и И.Т. Большого-Мясоедова из Бежецкого Верха, Белева и Вереи соответственно[36] — были взяты конные воины[37]. К таким дворянам, видимо, следует причислить и суздальского выборного М.В. Молчанова, который в росписи неверно значится нижегородцем, возможно, и мещевца Д.Г. Сабурова, рязанцев К.Ю. Биркина, К. и Н. Колтовских, числившихся по Коломне И.Ж. и М.Ж. Дядиных[38]. Очевидно, в конце 1604 г. в рядах правительственных войск не было и служивших в Шацке и Новгород-Северском А.П. Есипова и А.И. Милюкова (которые принадлежали к зубцовским и угличским выборным), а также Е.Д. Бартенева из Серпейска, указанного в росписи с пометой «В Одоев», но направленного в чине головы в Новгород-Северский[39]. В том же документе имеются сообщения о пленении 2 и гибели 4 выборных в ходе боевых действий конца 1604 — начала 1605 гг.[40]

Согласно росписи, выборные, за исключением владимирца А.В. Владыкина, отправленного «для подвод», несли службу в головах у «новокрещенов московских городов» (костромич А.Г. Ярцев), татар, в частности, касимовских, темниковских, кадомских (вязьмичи С.Н. Чепчугов, Ф.К. и М.К. Фофановы, И.И. Милюков и князь Б.П. Ростовский-Голубово, представлявшие Бежецкий Верх и Белую), у столичных стрельцов и казаков (Ю.Я. Стромилов из Юрьева Польского), ливенских и елецких конных казаков с пищалями (К.В. Челюсткин и А.С. Ходырев из Серпейска и Алексина); белевец И.К. Лодыженский и вязьмич Г.В. Воейков возглавляли роты иноземцев численностью в 250 и 150 воинов соответственно[41].

Итак, боярские списки, которые ежегодно велись в Разрядном приказе[42], а также росписи дворян, намеченных к участию в Шведском походе, и армии царя Бориса, выступившей против отрядов самозванца, свидетельствуют о том, что выборные дворяне, составлявшие значительную часть русских войск в период этих кампаний да и в 1577 г., являлись осадными, казачьими, стрелецкими, татарскими головами, головами у черкас, детей боярских, иноземцев, занимались мобилизацией последних и «посохи», ведали засеками, нарядом, привлекались к сооружению крепостей, служили на заставах, собирали для походов продовольствие и фураж, иногда посылались с особыми поручениями (к примеру, в 1602–1603 г. «на Белую» и волости Северской земли).

---

32 БСР. Ч. 1. С. 233, 245. Эти волости были богаты хлебом. См.: Книги разрядные в официальных оных списках. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 58.
Вопреки указанию В.И. Корецкого, в первом из сохранившихся боярских списков XVII в. нет сведений об отправке в Комарицкую волость можайского дворянина И.З. Воейкова (Там же. С. 242; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 199).

33 БСР. Ч. 1. С. 224, 227. Ср.: Разрядные книги… С. 109, 124.

34 Назаров В.Д. К истории начального периода первой крестьянской войны в России // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 195 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9).

35 БСР. Ч. 2. С. 4–16, 21–24, 35, 44, 53, 61, 69, 79, 88, 92. Кроме того, 3 дворянина несли службу за принадлежавших к «выбору» отцов (Там же. С. 4, 7). Указание на 233 выборных, названных в росписи (Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 79), неточно.

36 Видимо, эти дворяне были «на дальних службах» (Ср.: БСР. Ч. 1. С. 125). Известно, что Елизаров в 1604 г. находился в Вятке, а Зюзин в 1601–1602 — 1604–1605 гг. — «на Терке» и в Суншинском остроге (Там же. С. 199; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 176; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 60).

37 БСР. Ч. 2. С. 43, 74, 75. Так бывало и ранее. См.: Там же. Ч. 1. С. 124, 173.

38 См.: БСР. Ч. 1. С. 132, 197, 279; Ч. 2. С. 77, 80–82.

39 Там же. Ч. 2. С. 9, 11, 13; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 219, 220, и др. «Коломнич» Т.Т. Борыков в росписи значится принявшим постриг. В боярском списке начала XVII в., однако, находим помету о смерти этого выборного в 1601–1602 г. (БСР. Ч. 1. С. 219–220; Ч. 2. С. 13), о чем составители интересующего нас обширного документа первых месяцев Смуты, по-видимому, не знали.

40 БСР. Ч. 2. С. 10, 11, 14, 22.

41 Там же. Ч. 1. С. 140–142, 175, 177, 187, 197, 199, 205–207, 213, 218, 229, 230, 234, 327; Ч. 2. С. 5, 28, 32, 51, 66, 67.

42 Эти документы, между прочим, опровергают представление А.В. Лаврентьева будто «выборные дворяне обычно назначались на низшие полковые командные должности сотенных и подъездных голов» (Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 131).

Литература
1. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. 802 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М., 2002. 762 с.
3. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. 312 с.
4. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1–2. М., 1979. 341 с.
5. Буганов В.И. Засечная книга 1638 г. // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 23. М., 1960. С. 178–254.
6. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. 331 с.
7. Книги разрядные в официальных оных списках. Т. 1. СПб., 1853. XV с. + 1380 стлб. + I + II с.
8. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. 392 с.
9. Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. //Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. 216 с.
10. Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. 255 с.
11. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Вступительная статья // БСР. Ч. 1. М., 1979. С. 6 – 82.
12. Назаров В.Д. К истории начального периода первой крестьянской войны в России // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9). С. 192–210
13. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. 241 с.
14. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. 614 с.
15. Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 1–3. М., 1981–1982. …с.; Т. 3. Ч. 1. М., 1984. …с.; Т. 4. Ч. 1. М., 1994. 143 с.
16. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. 398 с.
17. Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 18–57.
18. Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123–152.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННОГО ПРАВА В СССР (1930-е – НАЧАЛО 1950-х гг.)

Шкаревский Денис Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук
shkarden@mail.ru

Автор анализирует процесс формирования советского военного права в течение 1930–1953 гг. Автор приходит к выводу о том, что на этот процесс оказали серьезное влияние политическими факторы и интересы. Данный процесс сопровождался политической борьбой между военными и гражданскими юристами.

Ключевые слова: *военное право, военно-уголовное право, военные трибуналы.*

Revisiting the Establishment of Military Law in the USSR (1930 — early 1950s)

Shkarevsky Denis N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Institute of State and Law
of the Surgut State University,
Candidate of Historical Sciences

The author analyzes the process of formation of Soviet military law during the 1930–1953. The author comes to the conclusion that this process is strongly influenced by political factors and inter-

ests. This process was accompanied by a political struggle between the military and civilian lawyers.

Key words: *military law, military criminal law, military tribunals.*

Изучением проблем деятельности военных трибуналов в СССР занимается достаточно большое число исследователей[1]. Однако в публикациях не отражен процесс формирования специального военного права в СССР в 1930-е — начале 1950-х гг. Поэтому цель данной работы состоит в том, чтобы выделить особенности попытки формирования военного (военно-уголовного) права в СССР в указанный период.

В течение 1930–1953 гг. в СССР были сформированы органы специальной юстиции, к которым относились органы военной юстиции (военные трибуналы и военная прокуратура), органы транспортной юстиции (линейные суды железнодорожного и водного транспорта и транспортные прокуратуры), органы лагерной юстиции (лагерные суды и отделы прокуратуры по надзору за местами заключения) и некоторые другие (например, военные трибуналы войск НКВД).

Примечательно, что для органов специальной юстиции была предпринята попытка сформировать и специальное право, выделив его из общего права. Так, были предприняты попытки по становлению военного (военно-уголовного) права, военно-административного права, военно-судебного права, транспортного права.

Для решения данной цели были нужны подготовленные кадры. Поэтому в 1932 г. были созданы краткосрочные курсы по переподготовке юрполитсостава военных прокуратур и военных трибуналов при Военной коллегии Верховного Суда СССР и Центральной военной прокуратуре; в 1936 г. было принято решение о создании при Всесоюзной правовой академии (далее — ВПА) Военно-юридического факультета РККА (11 мая 1936 г.), а 5 ноября 1939 г. было принято решение о преобразовании Военно-юридического факультета при ВПА в Военно-юридическую академию РККА (далее — ВЮА).

Основатели военного (военно-уголовного) права С.В. Ромазан (начальник ВЮА в 1939–1942 гг.) и В.М. Чхиквадзе (начальник ВЮА в 1948–1953 гг.) в 1940 г. в качестве причины неразработанности советского военного (военно-уголовного) права указывали деятельность вредителей «на фронте теории государства и права. Вредители сознательно игнорировали значение правового положения Красной армии, не считали нужным говорить о правовых отношениях, возникающих внутри Красной армии, отрицали необходимость научного изучения вопроса военного и военно-уголовного права»[2]. К числу таких вредителей были отнесены «обербандиты от юриспруденции Пашуканис, Крыленко, Берман»[3].

В 1947 г. В.М. Чхиквадзе указывал на то, что «научная разработка военно-правовых вопросов до сих пор не получила должного развития. Достаточно сказать, что в довольно солидной советской юридической литературе до последнего времени нет ни одной фундаментальной работы, посвященной военному праву. Юридические научно-исследовательские и учебные заведения страны до последнего времени проходили мимо актуальных проблем советского военного права. Отсутствие советской науки военного права весьма отрицательно сказалось на военно-юридической подготовке кадровых офицеров советской военной юстиции, а также военных юристов запаса»[4].

Необходимо отметить, что идея создания военного права не была безоговорочно одобрена в юридическом сообществе. С. Ромазан отмечал, что «отдельные товарищи в своих выступлениях на конференции ВЮА (в 1940 г.) в принципе отвергли возможность научного обоснования наличия такой самостоятельной отрасли советского социалистического права, как право военное»[5].

Однако сторонников этой концепции поддерживали Институт права АН СССР и, по всей видимости, руководство страны. Поэтому достаточно

[1] Кодинцев А.Я. Компетенция военных трибуналов советских оккупационных войск в Германии (1945–1955 годы) // Военно-юридический журнал. 2011. № 6. С. 26–31; Латышева Н.А. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы ВОВ // История государства и права. 2010. № 9. С. 19–23; Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Тихоокеанский флот. СПб., 2013 и др.

[2] Чхиквадзе В. К вопросу о предмете Советского военно-уголовного права // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 49.

[3] Ромазан С. К вопросу о проблеме военного права // Советское государство и право. 1940. № 5–6. С. 86.

[4] Чхиквадзе В.М. Некоторые вопросы советского военного права // Советское государство и право. 1947. № 8. С. 25.

[5] Ромазан С. Указ. соч. С. 86.

оперативно были выдвинуты основные аргументы выделения военного права в отдельную отрасль права. Они сводились к следующим тезисам.

Во-первых, «правовое регулирование возникающих в армии общественных отношений… происходит совершенно иначе, чем регулирование аналогичных отношений вне армии. Правовые последствия, которые при этом наступают, совершенно различны в армии и вне ее… При применении такого института административного права, как приказ, наступают различные правовые последствия в зависимости от того, где отдается приказ. Неисполнение отданного в порядке службы приказания в армии влечет за собой либо дисциплинарную ответственность лица, не выполнившего приказания, либо уголовную ответственность (ст. 193-2 УК РСФСР). Такое же нарушение вне армии само по себе может влечь за собой только дисциплинарное взыскание. В армии подлежит исполнению всякое приказание. Вне армии подлежит исполнению не всякий приказ… Самовольное оставление службы в любом учреждении может повлечь за собой как наказание тюремное заключение сроком на один год. При самовольном же оставлении службы в армии наступают совершенно иные правовые последствия. Дезертирство из армии — уголовно наказуемое деяние и в некоторых случаях может влечь за собой применение высшей меры наказания — расстрела»[6].

Во-вторых, «одинаковая деятельность лиц в армии и вне армии регулируется не одинаковыми правовыми нормами… например, трудовая деятельность каждого гражданина в Советском Союзе регулируется нормами трудового права. Такая же деятельность этих лиц во время состояния их на службе в армии, как известно, регулируется не трудовым правом (…нормы трудового права вообще не применяются в армии), а Законом о всеобщей воинской обязанности. Что же касается лиц начальствующего состава, для которых служба в армии есть пожизненная профессия, то в отношении их действует и Положение о прохождении службы начальствующим и командным составом РККА, которое также нельзя отнести к нормам трудового права… Рабочий и служащий имеют право взыскивать причитающуюся им заработную плату путем иска в суде. Военнослужащий может отстаивать свое право на причитающееся ему довольствие лишь путем жалобы по начальству»[7].

В-третьих, «налицо имеется ряд правовых актов, относящихся к обороне нашей страны, актов, которые не укладываются ни в одну из существующих отраслей права, несмотря на все старания некоторых юристов втиснуть их в эти отрасли… Закон о всеобщей воинской обязанности, Положение о прохождении службы начальствующим составом, Положение о военных званиях, Кодекс о льготах для военнослужащих, Устав внутренней службы Красной армии (УВС-37), Корабельный устав Военно-Морского флота, Устав караульной службы Красной армии (УКС-36) и ряд других… правовые нормы, содержащиеся в законе о военной присяге, целиком не укладываются ни в одну из существующих отраслей права»[8].

В-четвертых, «невозможно систематизировать законодательный материал иначе, чем по предмету регулирования. Поэтому юристы-практики так и систематизируют законодательный материал, совершенно не придерживаясь существующих отраслей права… При таком условии создается совершенно стройная система деления на отрасли советского социалистического права, система, в которую, наряду с иными отраслями, входит полноправным членом и право военное… основными отраслями советского социалистического права должны быть: государственное право, административное (включать… только нормы, относящиеся к управлению…), судебное, исправительно-трудовое, уголовное, промышленное, торговое, транспортное, кооперативное, финансовое, трудовое, гражданское (включающее в себя только нормы, регулирующие правовые отношения, возникающие на основе права личной собственности), семейное, жилищное, и, наконец, право военное»[9].

В-пятых, «укрепление советской воинской дисциплины… повышение боевой мощи Красной армии… одних только методов политико-воспитательной и массово-разъяснительной работы недостаточно... Существенную роль в этом деле играет и принуждение… Советская воинская дисциплина является высшей формой государственной дисциплины. Не противопоставляя повиновение в Красной армии повиновению, существующему в других учреждениях и предприятиях советского государства, нельзя, однако, не видеть того различия, которое имеется между ними. В Красной армии, в отличие от других советских организаций, проводится принцип абсолютно беспрекословного повиновения. Порядок прохождения военной службы во многом отличен от поряд-

[6] Там же. С. 87–88.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 88–90.

[9] Там же. С. 90–91.

ка службы в других учреждениях и организациях советского государства»[10].

В-шестых, «Существование советского военно-уголовного права обусловлено существованием Красной армии, теми особенностями ее жизни и деятельности, которыми она отличается от других советских организаций…»[11].

В-седьмых, «общие уголовные законы не предусматривают таких преступлений, которые могут совершаться лишь в армии, а также недостаточностью общеуголовных законов для охраны установленного в армии и флоте порядка несения военной службы, воинской дисциплины… в армии возможны такие преступления, которые немыслимы в гражданском обществе, например бегство с поля сражения во время боя, самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, сдача неприятелю начальником вверенных ему сил и средств ведения войны»[12].

Военное право, по мнению его создателей, «отправляясь от общих задач социалистического уголовного права», решало «частные, специальные задачи», к числу которых относились: «укрепление советской воинской дисциплины, охрана установленного в Красной армии порядка несения военной службы, воспитание военнослужащих в духе преданности социалистической родине, борьба с врагами народа»[13].

В.М. Чхиквадзе выделил следующие особенности военно-правовых норм: «…строжайшая и детальная регламентация всех отношений, возникающих в армии… Этот регламент, с одной стороны, ставит поведение военнослужащего в особое положение, во многом ограничивает их по сравнению с гражданскими лицами, а с другой — возлагает на них и дополнительные обязанности.

Нормы военного права применяются в особых условиях — в условиях армии, построенной на началах единства и полновластия командования и беспрекословного повиновения подчиненных приказам своих военачальников.

Военно-правовые нормы имеют исключительно публично-правовую природу, более императивный, категоричный характер. Строгое соблюдение их совершенно обязательно. Они предусматривают повышенную ответственность военнослужащих за соблюдение армейского правопорядка. … Что для других граждан влечет лишь моральную ответственность, для военнослужащего во многих случаях может повлечь юридическую ответственность.

Военно-правовые нормы не только регламентируют и регулируют взаимоотношения, но и являются средством воспитания военнослужащих»[14].

Во второй половине 1940-х гг. В. Чхиквадзе несколько скорректировал свое представление о военном праве. Он отметил: «Военное право — не самостоятельная отрасль права, т. к. его части находятся в прямой зависимости от соответствующих отраслей советского права. Военное право — комплексное понятие, охватывающее специальные отрасли советского административного, уголовного, судебного права. Военное право — самостоятельная учебная дисциплина и должно преподаваться по отдельным отраслям: военно-административное, военно-уголовное, военно-судебное право»[15]. Отмечу, что В. Чхиквадзе предложил все нормы военного права разделить на три группы:

1) военно-административное право (нормы, регулирующие деятельность органов военного управления, вопросы комплектования и организации армии, порядок обучения и воспитания войск, порядок прохождения службы, права и обязанности военнослужащих, порядок материального обеспечения войск);

2) военно-уголовное право (нормы, охраняющие воинскую дисциплину и правопорядок от преступных нарушений, нормы, регулирующие особые отношения, которые возникают вследствие совершения воинского преступления, нормы, определяющие составы воинских преступлений и соответствующие им наказания и устанавливающие порядок уголовной ответственности военнослужащих);

3) военно-судебное (нормы, регулирующие организацию военной юстиции и устанавливающие порядок осуществления правосудия в армии)[16].

Однако в 1954 г. предложения сторонников военного (военно-уголовного) права вызвали резкую критику (причем критиков поддержал А.Я. Вышинский). Работы, изданные ими, были объявлены «негодными»; дисциплины военно-уголовное право, военно-уголовный процесс и военно-административное право — «надуманными». «Практическая вредность такого обучения… состояла в том, что оно противоречило принципам единой социалистической законности… предметом уголовного права

[10] Чхиквадзе В. К вопросу о предмете Советского военно-уголовного права… С. 46.

[11] Там же. С. 46–47.

[12] Там же. С. 47.

[13] Там же. С. 48.

[14] Чхиквадзе В.М. Некоторые вопросы советского военного права… С. 30–35.

[15] Там же. С. 33–34.

[16] Там же. С. 25–35.

является преступление и наказание, независимо от того, является ли это преступление воинским или контрреволюционным, должностным или имущественным, совершено ли оно в армии или на железнодорожном или водном транспорте, в колхозе или в государственном учреждении, независимо также и от того, применяется ли наказание к гражданскому лицу или к военнослужащему»[17].

Сторонников военно-уголовного права обвинили в том, что они в течение десяти с небольшим лет, написав свыше двадцати работ, так и не смогли найти его особого предмета; в дублировании советского уголовного права, совершении грубых политических ошибок (например, высоко оценили роль царских ученых-военных юристов)[18].

Итак, основная особенность попытки становления специального права, в том числе военного, заключается в том, что весь этот процесс был элементом политической борьбы. Причины формирования военного (военно-уголовного) права были чисто политическими: руководству страны в 1930–1953 гг. были необходимы органы специальной юстиции для проведения репрессий и контроля органов общей юстиции. Для решения этих задач и была предпринята попытка формирования военного права.

Со смертью главного инициатора этого процесса (И.В. Сталина) сворачиваются репрессии и отпала необходимость в органах специальной юстиции, а, следовательно, и в формировании специального права, в том числе и военного.

Причем весь процесс создания военного права сопровождался борьбой противников и сторонников этой идеи. Со смертью И. Сталина критики теории военного права пошли по уже знакомому им пути, разгромив группу сторонников военного права.

Однако впоследствии время расставило все по своим местам. Военное право оформилась как учебная дисциплина и научная специальность, доказав свою актуальность и право на существование.

[17] Лопухов Р. По поводу «теории» военно-уголовного права // Социалистическая законность. 1954. № 10. С. 82–86.

[18] Там же. С. 82–86.

Литература

1. Кодинцев А.Я. Компетенция военных трибуналов советских оккупационных войск в Германии (1945–1955 годы) // Военно-юридический журнал. 2011. № 6. С. 26–31.
2. Латышева Н.А. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы ВОВ // История государства и права. 2010. № 9. С. 19–23.
3. Лопухов Р. По поводу «теории» военно-уголовного права // Социалистическая законность. 1954. № 10. С. 82–86.
4. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Тихоокеанский флот. СПб., 2013.
5. Ромазан С. К вопросу о проблеме военного права // Советское государство и право. 1940. № 5–6. С. 86–91.
6. Чхиквадзе В. К вопросу о предмете Советского военно-уголовного права // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 46–53.
7. Чхиквадзе В.М. Некоторые вопросы советского военного права // Советское государство и право. 1947. № 8. С. 25–35.